

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКОГО ОКРУГА САМАРА
«САМАРСКАЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА»

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ «ПИШУ В СТИЛЕ ШУКШИНА»

**САМАРА
2023**

ББК 84(2Рос)

С 23

С 23 **Сборник творческих работ победителей конкурса «Пишу в стиле Шукшина» / МБУК г. о. Самара «СМИБС», филиал Библиотека № 23; составитель Е.Г. Кудряшова; дизайн Е.Ю. Расторгуева. – Самара, 2023. – 65 с. – Текст: непосредственный.**

© МБУК г.о. Самара «СМИБС», 2023

От составителя

Василий Макарович Шукшин – признанный мастер короткого рассказа, удивительный человек. Его произведения простые и понятные. В своих рассказах Василий Макарович отобразил жизнь такой какая она есть. Можно назвать девизом писательского творчества слова писателя: *«... хочешь быть мастером, махай свое перо в правду»*.

В филиале Библиотека №23 МБУК г.о. Самара «СМИБС» на протяжении пяти лет реализуется культурно-просветительский проект «Талант высокой простоты», направленный на популяризацию творческого наследия В.М. Шукшина. В рамках проекта проходят творческие встречи, читательские марафоны, презентации театрализованных миниатюр по произведениям Шукшина. Значимым событием проекта стал конкурс творческих работ «Пишу в стиле Шукшина». Этот конкурс собрал на своей площадке писателей и почитателей «шукшинского слова» из разных стран мира.

В 2022 году на конкурс поступило 170 творческих работ. Возраст участников от 15 до 88 лет.

В настоящем сборнике публикуются работы победителей конкурса «Пишу в стиле Шукшина» 2022 года.

Номинация «Шукшинский стиль», 1 место
Ткач Раиса Александровна
Луганская Народная Республика,
г. Красный Луч

«И капал сок с пылающей малины»

У Татьяны была любовь - молодая и красивая!

Он приехал издалека... «К ней! Навсегда!» - и теперь они вместе искали квартиру для совместного проживания.

Татьяна с гордостью шагала рядом со своим избранником и, прижавшись к его тёплому плечу, заглядывала в любящие глаза, чтоб в очередной раз убедиться в их преданности, а её Алёшка, бережно держа спутницу за тоненькую талию, неустанно целовал её искрящиеся от счастья глаза.

Влюблённые прошли уже не одну улицу села, но подходящей квартиры пока найти не удалось, однако они не отчаивались, зная, что им обязательно повезёт...

Свернув в очередной проулок, подошли к усадьбе Валентины - женщина славилась своим весёлым, залиvistым смехом, и бабы о ней говорили: «Когда Валька смеётся, в соседнем селе слышать!»

За невысоким штакетником, прямо от калитки, начиналась выложенная плашкой тропинка, вокруг которой буяли осенние цветочные заросли, а вдоль них, прямо на грани соседского забора, ломился от ягод малинник.

Татьяна-то что? Она этот малинник годами видит, а вот Алёшка... У него прямо челюсть отвисла, и он, нарвав полную горсть ягод, отправил всё это прямым в рот, при этом прикрыв глаза и причмокивая от удовольствия!

Татьяна рада была видеть удивление любимого, и пока он уплетал ягоды, она рассказывала, как они с Валентиной привезли и вместе рассаживали этот «малиновый гибрид», а потом каждый год раздавали по

соседним сёлам «на развод» - таким удачно плодовитым оказалось новое ягодное приобретение.

Малинник плодоносил несколько раз в год, и последние ягоды поспевали в конце августа и держались на ветках аж до заморозков.

Неожиданно стукнула щеколда, и Татьяна дёрнула Алёшку за рукав, прошептав:

- Садись, а то хозяйка застучает! У мамки наешься малины, у неё такая же сейчас... Ну, Алёшка!

Алёшка не успел за присевшей Татьяной, когда на порог вышла Валентина и, вперив в дородистые бока свои огромные кулаки, грозно приказала:

- Это кто посмел обрывать мою малину? Марш ко мне!

Татьяна, хорошо знавшая «командиршу», только хохотала над ситуацией, крепко зажав ладонью рот, и наблюдала за Алексеем, как тот героически прикрывал её, свою любимую женщину, незаметно указывая на угол погребки, чтоб Татьяна за ним спряталась; он-то не знал, что Валентина так в шутку кричит. Этих «любителей малины» хозяйка каждый день тут гоняет, и не малины ей жалко, а потоптанных цветов.

Но Алёшка-то этого не знал и, как «настоящий защитник», сам решил ответить за свой проступок.

А Валентина с крыльца манила пальцем:

- Ну-ка, ну-ка... покажись, герой!

Алексей с виноватым лицом направился к хозяйке малины на «выволочку».

- Пошёл, как «барашек на заклание»! - веселилась под забором Татьяна.

- Та-а-а-ак... Кто такой будешь? - было последнее, что она расслышала, когда за Алексеем захлопнулась дверь.

Из-за угла вышла знакомая пара односельчан; они немного постояли с Татьяной, порасспросили об Алёшке: кто да откуда, и указали на небольшой,

давно пустующий флигелёк, подходящий для молодожёнов. Попрощавшись с ними, Татьяна направилась к Валентине, подумав, что та уже ждёт её.

На стук никто не ответил. Татьяна постучала ещё раз и вошла в домик. Всюду стояла тишина...

- Ах, они решили подшутить надо мною! - подумала женщина. - Ну, ничего, я вам сейчас задам!

Татьяна на цыпочках прошла в чистенькую горницу - никого!

- Спрятались, значит! Ну-ну!..

Заглянула за ширму - там в беспорядке валялись вещи хозяйки и какая-то мужская одежда... Таня уже видела у кого-то точь-в-точь такие брюки... Нужно вспомнить у кого и подшутить над Валентиной!

Так... спальня... Нет, туда не стоит заглядывать, там всегда взбитая перина с горой расшитых подушек...

Шорох из спальни заставил насторожиться, а сердце тревожно забилось, предчувствуя недоброе. Татьяна нерешительно заглянула в комнату, где увидела лежащую к ней спиной Валентину, голое плечо которой бесстыже переходило в огромную грудь, видную даже с порога... Женщина постанывала и что-то ласково бормотала...

Татьяна шагнула вперёд и заглянула через плечо Вали - между её грудей покоилась голова ЕЁ Алёшки... Он поднял опьяненные страстью глаза на Татьяну и словно не увидел её, продолжая что-то тихо говорить Валентине - его слова поглощала огромная грудь женщины...

Красные круги, вперемешку с солнечными, заплясали перед глазами Тани. «Он же ростом ей до плеча... и худее раза в четыре», - только и подумала она, выходя из комнаты...

На кухне стояла неполная бутылка первака, рюмки... в тарелке надкушенные кусочки копчёнки, рядом - его сигареты...

- Интересно, - подумала Татьяна, - сколько ж я там проговорила, если они успели и выпить, и закусить, и... Ну, пусть двадцать минут... пусть

тридцать... Чёрт принёс этих односельчан с их флигелем, кому он теперь сдался! Хотя они ж как лучше хотели, радовались за молодых от души...

Тоска больно сдавила грудь... только плакать не хотелось... как спалило всё в одно мгновение... выжгло... Вот увидела и выгорела... один пепел остался...

Таня покрутила в руках Лёшкину коробочку со спичками, чиркнула одну из них - красиво запрыгало пламя, язычки лизнули пальцы и не обожгли...

- Вот ведь интересно как бывает... когда душе не больно - от огня пальцам больно, а когда душе больно - пальцам от огня совсем не больно! Ч-ч-чёрт, чего это я мелю? Больно - не больно... Зато красиво! Красиво колеблется пламя, и оно так похоже на обои кухни... И как я раньше не замечала - у Вали даже занавески с язычками пламени... или вернее, у цветов на занавесках лепестки, как язычки пламени...

Когда из спальни донеслись очередные громкие стоны, Татьяна снова чиркнула спичкой - пламя красиво плясало на тоненькой ножке кормившей его древесины, и так же плясали занавески от лёгкого дуновения ветерка из приоткрытой форточки... Как похожи - пламя и лепестки... Порыв ветра, и... пламя перебралось на занавеску, сразу охватив всю стену, и слилось в цвете с обоями...

- Как гармонично, - подумала Татьяна и не торопясь вышла на крыльцо. - Кругом ни души..., наверное, все ещё на дойке... кроме этих двоих, что не видят ничего вокруг, не слышат ничего вокруг, наслаждаются друг другом... Интересное дело - огонь... ему вообще нет дела ни до неё, ни до них... ни вообще - ни до кого... жрёт и жрёт всё подряд... вот уж на крылечко выбежал и лизнул новенькие половички, развешанные Валентиной на стареньком штaketнике... Смотри-ка, как быстро занялось...

Вот где-то ожил набат, и послышались беспокойные голоса.

В домике истошно закричали, чьё-то обнажённое тело метнулось за поседевшим стеклом, стекло лопнуло, полыхнув ярким пламенем в окнах горницы...

Всё кругом ожило, закрутилось, сорвалось с мест и понеслось!

Татьяну часто отталкивали в сторону, громыхали вёдрами с водой, ругались на опоздавших пожарных; корили Валентину, которая, наверное, снова гнала самогон да не уследила, довела дело до пожара; кто-то даже сказал будто:

- Так ей и надо, чтоб чужих мужиков не спаивала!

И чего людям вечно есть дело до других?.. Ну, гонит баба самогон - ну и пусть себе гонит; спит с чужими мужиками – ну и пусть себе спит; горит - и пусть себе горит «синим пламенем», вместе с самогоном и мужиками... И чего лезть в чужую жизнь?..

Татьяна уже сидела на корточках, под горящим штакетником, сквозь который свешивались гроздья спелой ягоды, и тихо плакала, а на её колени капал душистый сок с пылающей малины, которую они когда-то посадили вместе с разлучницей...

Номинация «Шукшинский стиль», 2 место
Борисова Ольга Михайловна,
г. Самара

Славик

Вячеславу Владимировичу не спалось. Он ворочался с боку на бок, поглядывая на окно, в надежде увидеть рассвет, но он всё не занимался.

– Тебе что не спится? – проронила Полина Андреевна, приподнимая голову от подушки.

По-стариковски кряхтя, он встал с постели, натянул на ноги старые тапочки, отправился на кухню.

– Что, и водички попить нельзя?! Спи уже! – шумно хлопнув дверью, вышел из спальни.

Поставив чайник на газовую плиту, сел у окна и, всматриваясь в ночь, задумался. Вот уже шестьдесят лет исполнилось, вроде и не жил ещё, а уже дедом кличут. Как жизнь быстро пролетела, не заметил даже, когда состариться успел. Всё куда-то бежал, деньги зарабатывал, торопился быт наладить, чтобы жить в сытости и на старость не жаловаться. А вот она и старость подступила, а чего хорошего в ней? И дом добротный отстроили, и деньжата водятся, пусть небольшие, но им с Полиной хватает, а покоя-то в душе нет. Дети в городе живут, важные стали. А внуки и глаз не кажут. Что им тут делать?! Им теперь телефоны и компьютеры важнее деда с бабкой. А если приедут, то от айфонов оторваться не могут, впялятся в них - и слова доброго не дождешься. Чужими стали. Разве раньше так жили? Раньше малому радоваться умели, в гости друг к дружке ходили. А вечерами по соседски на скамейках собирались. Рядом детишки в разные игры играли, и мы им иногда подсобляли...

Закипел чайник. Дед налил крутой кипяток в любимый бокал с подсолнухом на круглом боку. Из шкафа достал чайный пакетик и конфеты.

Закрыв поплотнее дверь, включил на тихий звук телевизор: «Всё веселее будет». Шла передача о животных. Прихлебывая чай и ещё находясь во власти нерадостных мыслей, Вячеслав Владимирович отрешенно смотрел на экран. Быстро мелькали кадры. Сначала показывали кошек, что-то о них говорили, потом появились смешные обезьяны, прыгающие по веткам где-то в Индонезии. А затем показали красавцев попугаев. Один из них жил с учёными и считал себя хозяином на станции. Он доставлял всем немало хлопот, но его баловали и любили. Но, самое главное, попугай умел говорить.

«Птичку что ли купить? – пришла внезапная мысль. – Хоть поговорить будет с кем, а то от жены слова доброго не добьёшься. Молчаливая с молодости, да и я надоел ей хуже горькой редьки за сорок лет совместной жизни. Характерец у меня ещё тот». После выпитого горячего чая внезапно сморил сон, и он заторопился в постель.

– В общем, так, Полина! – проснувшись, не требующим возражения голосом начал разговор супруг. – Завтра едем в город на птичий рынок.

– На кой тебе птичий рынок понадобился?

– Птичку какую купим, – схитрил он. – Пусть поёт, веселее в доме будет. А то живём, как в гробу глухом. От тишины уже уши вянут.

– Придумал ещё! У тебя же телевизор в каждой комнате. С утра до вечера включен, хоть из дома беги. Птиц на улице полно, иди да слушай! Чего их сюда тянуть?!

– Живой души хочется, Полинушка, – он крепко прижал её к груди. – Я сам буду за ней ухаживать.

На следующий день, выкатив из гаража старенькую БМВ, они спозаранку отправились в город.

Шумный, в осеннем золотисто-багряном убранстве, он встретил их скрипом тормозов, сигналами клаксонов множественных машин и утренней сутолокой спешащих на работу людей.

– Боже мой! Суматоха-то какая. Как же тут люди живут? – то ли удивлялась, то ли возмущалась Полина. – У меня уже голова кругом идёт.

– Привыкли. Им такая жизнь нравится.

– Как она может им нравиться? Спокойствия совсем нет, – она вздохнула. – Вот бегут, чуть ли не под машины лезут, словно роботы какие, и даже не задумываются, куда и зачем. Потом придёт понимание, да поздно будет. Человеку созерцание нужно и общение с небом, чтобы душой живым быть.

Оставив на стоянке машину, в поисках нужной птицы они пошли по рядам. Выставленные на продажу пичуги безразлично наблюдали за прохожими, но Вячеслава Владимировича не интересовали простые птички, ему нужен только говорящий попугай. У одного продавца они нашли маленьких ярких попугайчиков. Они прыгали по клетке, суетились, громко кричали.

– Красивый у вас товар! – присматриваясь к птичкам, начал он издалека.

– Берите! Волнистые попугайчики.

– А они говорящие? – и, получив отрицательный ответ, направился дальше.

– Ты что, говорящего попугая купить решил?! – еле поспевая за мужем, с негодованием в голосе спросила Полина.

– Да!

– Совсем рехнулся под старость. Мало нам телевизоров, теперь ещё попугай орущий в доме появится.

Но он не слушал жену, а старательно искал желаемое. Обойдя всех торговцев птиц и не найдя себе пернатого друга, направился в продовольственные ряды. За ним покорно шла супруга, в душе обзывая муженька всякими нелестными словами. Вдруг Вячеслав Владимирович остановился, заметив у ограды рынка худенького, небольшого росточка

парня, державшего в руке клетку с жёлто-синим попугаем. Он торопливо подошёл и ещё не успел спросить, как услышал протяжное:

– Здра-вству-йте! Славик.

– Откуда он знает моё имя? – удивлённо и в то же время обрадованно спросил Вячеслав Владимирович.

– Это его зовут Славиком. Он у меня культурный, знакомится.

А попугай, обрадованный, что у него появился собеседник, встрепенулся и снова выдал:

– Чё уставился? Сижу битый час взаперти. Летать хочу.

Вячеслав оторопел. Вот она, его мечта!

– А что он ещё говорить умеет?

– Да многое. Славик у меня толковый. Быстро учится. Возьмите, пожалуйста! – парень умоляюще посмотрел на покупателей. – Я при храме служу и живу рядом. Его крохотного кто-то во двор подбросил. Жалко стало, домой принёс, вырастил. Везде попугайчика с собой брал. Да вот недавно Славик службу в церкви чуть не сорвал. Настоятель сильно разгневался, – он тяжело вздохнул. – Я его бесплатно вам отдам, главное, не обижайте. Он хороший.

– М-да... Жалко, наверное, расставаться с другом?

– Я в семинарию только что поступил. Мне его некуда деть.

– Ну что, тёзка, пойдёшь к нам жить? – весело спросил птицу Вячеслав Владимирович.

– Жить... жить. Лучше бы покормили бедолагу, – недовольно пробурчал попугай.

Поблагодарил парня, всунув ему в руку свёрнутые купюры, Вячеслав Владимирович взял клетку и, довольный покупкой, отправился обратно на стоянку. Вслед ему шла удивлённая Полина. Она ещё никогда не видела говорящих птиц.

2.

Славику отвели место на кухне. Клетку торжественно водрузили на тумбу возле окна. Открыв дверцу, позволили вылететь. Попугай, покружив, последовал в горницу знакомиться с новым местом жительства. Присев на спинку велюрового кресла, хрипло произнёс: «Здравствуйте! Славик». Оглядев комнату зоркими глазками-пуговками, слетал в спальню, гостевую и вернулся на кухню. Он облюбовал себе место на спинке старого дивана, стоящего у стены за печкой, где после обеда любил вздремнуть хозяин дома. После сытного ужина, утомлённый городом и дорогой, дед Слава прилёг на диванчик. Славик, нахохлившись, уселся рядом. Вскоре оба уснули.

Смеркалось. За окнами быстро стемнело. Вдруг кто-то громко, нараспев пробасил: «Господи, упокой душу усопшего раба твоего!» Вячеслав Владимирович вздрогнул, бешено заколотилось сердце. «Неужто помер?!» – пронеслась в голове тревожная мысль. Он осторожно приоткрыл глаза. Траурная темнота нависла над ним. «В гроб положили, отпевают! А я ведь живой!» Он со всей мощи голоса заорал: «Я живой! Живой!» На кухню влетела Полина. Управившись с хозяйством, она только что зашла в дом.

– Слава, что случилось?! Что с тобой? Тебе плохо?

Супруга включила свет. Вячеслав встал с постели, оглянулся по сторонам:

– Надо ж, присниться такое! Аж сердце зашло. Вроде как помер и в гробу лежу.

– Спал в неудобной позе, вот и приснилось. А попугай-то где?

Из-за спинки дивана появилась голова, и два глаза виновато посмотрели на хозяина. «Здрасьте!» – прохрипел попугай и запел баском:

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!

– Вот кто меня хоронить вздумал! – Вячеслав Владимирович погрозил Славику пальцем. – Ах ты, птица божья, до смерти напугал! Ну, надо же, как умеет. Что он нам ещё выдаст?!

А Славик выдал рано утром, когда все ещё крепко спали. Закрытый в клетке, он завопил: «На молитовку! На молитовку!» И возмущённый, что никто не реагирует, снова запел басом: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа».

– Вот, старый, хотел весёлости - получай, – сонно проронила Полина. – Вставай, корми домочадца.

Ближе к обеду, вроде как по делу, в дом заглянул Федька Косой. Увидев гостя, Славик спрятался за клетку.

– Это что за чудо у вас? – удивился Федька, стоя на пороге кухни.

– Ты чего, дружище, спрятался? – Вячеслав Владимирович погладил питомца по голове. – Иди, знакомься.

Попугай нехотя взлетел. Покружив возле незнакомца, сел ему на плечо. Заглядывая в лицо, вдруг спросил:

– Чай пить будешь?

Федька оторопел. Показывая пальцем на попугая, заикаясь, спросил:

– Он что, го-го-ворить у-умеет?! – собрался с мыслями. – Я таких только по телевизору видел.

– Он ещё не то умеет, – многозначительно ответил хозяин дома.

На следующий день все в селе уже знали, что Савицкие завели говорящего попугая.

– На кой им этот попугай? – удивлялись одни.

– Богаты, с жиру бесятся. Всё хотят как городские жить, – ехидничали другие.

– А, может, Федька приврал? Что с него станет. Надо Силантиху порасспросить. Та всё знает, – говорили третьи.

Силантиха появилась через день. Она уверено зашла в дом:

– Полина, с магазина иду. Там колбасу привезли, копчёности разные. Сходила бы, разбирают быстро.

– Ты же, Валентина, не за этим пришла.

– Да, конечно. Я по делу заглянула, – ответила она, оглядывая прихожую. – Шкаф красивый у вас! Современный. В городе купили? Пройти хоть можно?

– Ну, проходи! – Полина улыбнулась, зная причину прихода первой сплетницы на селе.

– Мы тут решили кабанчика в выходные забить, да маленько мяско распродать по соседям, – затеяла разговор Валентина, зыряка глазами по всем углам. – Может, вы тоже захотите купить? Мы не дорого продаём.

Полина решила поддержать игру:

– А почему же не купить? Купим килограмма три.

– В магазине сегодня слышала, вроде, вы птичку говорящую приобрели. Врут, наверное, наши бабы. Им соврать, что мёду испить.

– Нет, не врут.

– Да неужто разговаривает, как мы?

– Ещё как разговаривает!

– А где же он? Показала бы, посмотреть хочется.

– У телевизора сидит, песни слушает. Он у нас меломан, оказывается.

Полине хотелось, чтобы Славик заговорил, сразив тем самым Силантиху, иначе её кумушки во главе с самой Валентиной промоют им все кости.

Славик стоял на полу в горнице и внимательно смотрел на экран, где шла передача «Звёзды девяностых». Ансамбль «Божья коровка» исполнял песню «Гранитный камушек». Полина выключила телевизор, чем вызвала недовольство попугая. Он, переминаясь с ноги на ногу, начал громко кричать, а потом, подражая солисту, запел:

Не ходи к нему на встречу, не ходи,

У него гранитный камушек в груди...

От удивления Силантиха присела на диван.

– Боже мой, он ещё и поёт. Не наврал Федька!

«Забавный какой, – подумала Полина. – И правда, с ним веселее».

Утром Валентина Силантьева еле дождалась, когда откроется магазин. Ей не терпелось скорее поведать селянам о невиданном чуде, свидетелем которого она сама стала.

– Он песни девяностых любит, знает их наизусть. А как поёт! Даже лучше, чем певцы.

– Да ну тебя, Валька! Придумала же, – произнесла какая-то из женщин, пришедших купить продукты.

– А ещё он молитвы читает, – она торжествующе огляделась. – И не только читает, но креститься умеет!

– Ну, это ты совсем хватила! – возмутилась Решетничиха. – Как птица может креститься?!

– Кто бы сказал, не поверила бы, а тут сама видела, – и, довольная собой, добавила. – А кто не верит, сходите и посмотрите.

Она ухмыльнулась и с гордо поднятой головой удалилась из магазина.

Не стало покоя в доме Савицких. Соседи, находя любой предлог, забегали в гости, чтобы послушать попугая и подивиться его способностям. А Славик с каждым их приходом выдавал что-нибудь новенькое: «Ходят тут, ходят. Дел дома что ли нет!» А Глашке Петровой, как-то зашедшей на минутку, заявил: «А ты, Глашка, не путайся с чужими мужиками. Иди лучше полы дома помой. Грязь развела». Возмущённая Глашка, ехидно крикнув на прощание: «Попугаев тут развели! Сплетники! А ещё культурными называются!» – быстро исчезла за дверью, не забыв громко ею хлопнуть.

– Птица говорящая, ты так нас со всеми соседями перессоришь, – тоже возмутился Вячеслав Владимирович. – При тебе говорить-то ничего нельзя, тут же всё выложишь.

– Зато теперь не скучно. Ты же этого хотел, – проворчала жена. – Нет, Слава! Старость приходит не для развлечений, а для созерцания. В отпущенное Богом время нужно многое успеть, дела на Земле доделать, а главное – жизнь свою исправить, чтобы в Вечность с чистым сердцем войти.

Птица и то знает, каждое утро молитвы нам читает, а тебе всё веселья хочется. Горе ты моё...

Полина прислушалась.

– Калитка хлопнула, – она спрятала улыбку в уголках губ, – очередных гостей встречай...

Номинация «Шукшинский стиль», 2 место
Струкова Марина Васильевна
г. Тамбов

Здравствуй бабушка

– Надо готовиться. – Строго произнесла остроногая, с лицом, будто сжатым в кулачок, Зинка Лебеда. И сидящие за столом бабки закивали. Речь шла о лежавшей «присмерти» соседке Елене Егоровне. Зинка Лебеда – её двоюродная сестра, считала своим долгом организовать родственнице достойные похороны. Старая дева, церковница, она всю жизнь крутилась около смерти – обмывала, читала, отпевала, и потом с азартом обсуждала покойников и похороны, приметы, при этом случившиеся, и сны про усопших, по которым можно было судить, куда они угодили – в райский ли сад, или в геенну огненную, где червь неумирающий и огонь неугасающий. Шла молва, что у самой Лебеды под кроватью стоит гроб, и как-то забравшийся в дом воришка, узрев хозяйку, в нём лежащую, постыдно бежал. Лебеда точно знала, что если привидевшийся во сне покойник просит есть, ему необходим помин, если одет в новую одежду, то ему на том свете хорошо, а если в лохмотья, то плохо. Говорили, что каждый правитель, перед тем, как преставиться, непременно снился Лебеде и просил у неё блинов, поэтому Лебеда узнавала о переменах в Кремле прежде самих правителей.

Теперь Лебеде казалось важным, чтобы никто не осудил её саму, и двоюродную сестру погребли чин по чину. Всем в деревне известно, что если покойника хоронят под марш, то его душа поневоле пляшет вприсядку вслед за процессией – такое видение не раз представлялось прозорливым старцам. Поэтому хоронить подобает под молитвенные песнопения и причитания.

Зинка посоветовалась с подружками из церковного хора – толстой хитроглазой Татьяной Лисевой, кряжистой смуглой Дуней Ромашкиной и тихой белесой Марьей Просвирней, и было решено, что следует заранее попеть и поголосить.

– Репетиция! – Уточнила Татьяна Лисева, завклуб на пенсии, и сейчас любившая всяческие мероприятия.

– А не грех ли? Жива ведь ещё Егоровна... – Заметила основательная Дуня Ромашкина, ради богоугодного дела оторвавшаяся от своего гигантского огорода.

– А потом поздно будет! – Вспылила Лебеда. – Надо, чтоб люди добрые не хаяли нас, и новый поп не казнился!

Молодой священник прибыл в село на днях. Его ждала маленькая уютная церквушка и хор, состоящий из старух, что немного смутило матушку, окончившую школу регентов в Троице-Сергиевой лавре и мечтавшую о хрустальных голосах юных учениц. А здесь пели, как бог на душу положит, и мотивы порой напоминали небезызвестные народные – «Когда б имел золотые горы» и «Выплывают расписные». Лебеда, много лет руководившая хором, увидела в матушке конкурентку, и на грядущих похоронах намеревалась показать, в том числе, и свои певческие способности.

Дом Лебеды соседствовал с домом её болящей сестры. Елена Егоровна слегла два дня назад и сразу заговорила о смерти, мол, чувствует, что скоро отдаст богу душу. Недаром и соседская собака сутками воет, уставившись на её окна, и часы сломались, и могила покойного мужа просела, словно ждёт второго гроба. И хотя молодой батюшка говорил, что все суеверия – чепуха, Елена Егоровна впала в уныние – уж больно много совпадений. Она

пособоровалась, достала из глубины огромного старинного шкафа смертное – новое бельё, платье, тапочки. Попросила Лебеду пока не тревожить сына и невестку, а тем паче внука Мишеньку, но быть начеку. И теперь чистая и благостная лежала на кровати, устремив взор в потолок, но смерть не шла.

Елена Егоровна старалась настроить себя на возвышенный лад. Она надеялась, что встретится в раю со своими родичами, но в покойном муже уверена не была. И теперь её тревожила мысль – видно ли сверху – из небесных садов, глубины, где мучаются грешники. Она уже несколько раз складывала руки на груди, и украдкой косилась по сторонам – нет ли рядом самой Смерти, которая некоторых посещает загодя, в облике высокой женщины, но ежели о ней никому не рассказать, можно прожить ещё долго, а уж коли сболтнёшь, кончины не миновать.

Стояла гробовая тишина. Вдруг откуда-то из глубины трёхкомнатного дома донеслась приглушённая, но развесёлая мелодия:

Как получим диплом, гоп-стоп-дубай,
махнём в деревню.

Соберём чуваков, гоп-стоп-дубай,
распашем землю.

И будем сеять рожь, овёс,
ломая плуги.

Опозорим колхоз, гоп-стоп-дубай,
по всей округе.

Елена Егоровна приподнялась и огляделась. Старушка крайне благочестивая, она ни радио, не телевизора в избе не держала, считая, что подобная техника – от дьявола. И совершенно точно знала, что петь здесь некому. Но если это предвестие смерти, то за её душой точно идут не ангелы. Она представила, как из тёмной норы под домом, припрыгивая на козлиных копытцах, приближается когорта бесов, бренчащих на балалайке, наярывающих на

гармошке и насвистывающих на дудке – а какие ещё бесы могут быть на Руси? Её объял страх. Бедная Елена Егоровна вскочила с постели, сунула ноги в тапочки, схватила бадик для опоры, и покинула дом. Она спешила к людям. На миру и смерть красна.

В это время в соседнем доме начиналась репетиция её похорон. Старушки уже основательно спелись, умилились, прослезились и Лебеда начала голосить:

– Ох, сестрица родная, на кого ж ты меня покинула?

– Стоп! – Внезапно прервала её Татьяна Лисева. – Не верю!

Личико Лебеды ещё больше сморщилось от огорчения:

– Это почему же?

– Без чувства воешь. Как на зарплате!

Лебеда тяжело вздохнула и едва начала:

– Ох, горе-горькое, беда неминуемая...

Но подружки уже вместе замахали руками:

– Не так!

– Не то!

– Да чего же вам нужно? Или как в сериале?

Тут Лебеда, кстати, вспомнила одну псевдоколхозную эпопею, где молодуха хоронит мужика, убитого бандитами, аккуратно рванула блузку на груди, прижала кулак ко лбу, тоненько взвыла без слов, а потом с надрывом выговорила:

– За что же мне это? Сестрица милая, сколько пережили с тобой – и войну, и голод, а преставилась ты...

– В перестройку! – Подказала Лисева, которая выписывала газету «Советская Россия» и точно знала, кто во всём виноват.

– Какая перестройка? Она закончилась давно. Сейчас стабильность! – Поправила заядлая телезрительница Просвирня.

– В стабильность померла. – Неуверенно закончила Лебеда. – Не звучит как-то...

В это время Елена Егоровна, которая домой возвращаться боялась, обошла двор и решила проведать сестру. Она побрела к калитке Лебеды, когда слух её был поражён звучащими из открытого окна, завешенного кисейной шторой, воплями и молитвами.

– Неужто преставилась Зинаида? Но ведь только утром навещала меня. – Ужаснулась Елена Егоровна. – А мне не сообщили – наверное, решили больную не тревожить.

Она собралась с духом, чтобы войти, но тут услышала разговор – в комнате явно находились несколько человек.

– Зина, а дом-то Елена кому подписала? – Спрашивала, судя по голосу, Татьяна Лисева.

– Внуку. – Ответила Лебеда. И Елена Егоровна порадовалась, что двоюродная сестра жива.

– Если захочет продать, пусть скажет мне – я дочке куплю. – Продолжала Татьяна.

– Он продавать не станет, хочет после армии сюда вернуться. Родители у него в райцентре, а он, вишь, у бабки жить привык. Елена говорит, фермерством займётся. Малый работающий – сейчас отцу помогает скважины на воду бурить по всей области.

Елена Егоровна довольно улыбнулась. Семнадцатилетний внук и правда всем вышел – хозяйственный, добрый и умом Бог не обидел. Когда бы не приехал, что-нибудь ей дарит. То кофту новую, то сапоги, то шаль. И продукты возит. А в избе Лебеды тем временем продолжалась беседа.

– У Егоровны много вещей знатных – я помню, - пискнула Просвирня. – Ты шальку её мне не отдашь? Егоровна говорила, что с Москвы внук привёз, узор на ней очень красивый.

– А вот и отдам! К чему жадовать? – Заявила Лебеда.

Елена Егоровна за окном нахмурилась и крепче сжала бадик, служивший её опорой.

– А пальто? – Поинтересовалась Лисева.

– А сапоги? – Пробасила Ромашкина.

– Я вас не обижу. Всем буду распоряжаться. Внуку её тряпки ни к чему. Наверняка дом сторожить попросит, я туда квартирантов пущу, или запасы хранить стану. Но что-то мы заговорились. Надо же отпеть Лену честь по чести.

И хор с чувством завёл «Со святыми упокой».

Елена Егоровна, от возмущения ощутившая необыкновенный прилив сил, решительно распахнула дверь, в два шага миновала коридор и вступила в комнату, подняв бадик над головой:

- Живую хоронить вздумали! Ах, бесстыжие! Добро моё делят загодя!

Просвирня аж покатила с лавки. Ромашкина в страхе крестилась. Лисева схватила со стола тарелку и закрылась ею. Только Лебеда не оробела:

– Так мы же ради тебя стараемся! А что до тряпок – к чему они тебе там-то нужны будут? И дом? Но ты, вижу, на поправку пошла, садись, чайку налью.

– Не стану я твой чаёк пить. – Многозначительно произнесла Елена Егоровна и вышла. Дома она включила чайник, достала любимую чашку, положила на блюде горсть конфет и собралась полдничать. Как вдруг снова глухо, дико зазвучало:

Как получим диплом, гоп-стоп-дубай,
махнём в деревню.

Соберём чуваков, гоп-стоп-дубай,
распашем землю.

И будем сеять рожь, овёс,
ломая плуги.

Опозорим колхоз, гоп-стоп-дубай,
по всей округе.

Но Елена Егоровна уже ничего не боялась. Грозно стуча бадиком, она обошла комнаты, заглянула во все углы и вычислила, что разухабистая песня доносится из шкафа. Хозяйка рывком распахнула дверцу. Третья полка, считая сверху, забитая стопками полотенец. Елена Егоровна перекрестилась

и сунула руку в пропахшую нафталином глубину. Под ладонью задрожало что-то холодное, плоское. Она ухватила и вытащила на свет божий штуку со светящимся экранчиком, на котором мигала надпись: «Мишка». Ну, конечно, мобильник! Недаром внук в последний приезд учил её пользоваться телефоном, а она отмахивалась. Значит, оставил сюрприз. Она поднесла к уху аппарат, нажала нужную кнопку, неуверенно произнесла:

– Алло...

– Бабушка, бабушка, я тебе весь день звоню! Думаю – когда же найдёт мой подарок? Здравствуй, бабушка!

Номинация «Шукинский стиль», 3 место
Боденчук Виктория Александровна
*посёлок Крестцы,
Новгородской области*

«Сымай спинжак!»

Несколько лет не было четы Карасевых на малой родине. Но ничего, собрались. Надо же было вознаградить Мишку. Как-никак без троек окончил школьный год.

- И хорошо, - говорила Анастасия Степановна, когда собирала на стол перед отъездом. - В деревне на рыбалку с дедушкой ходить будешь. Это, конечно, не море, но озеро, вроде, там есть.

- Да есть, есть, - прошамкал с набитым ртом Виктор Арсеньевич. - Помнится, мы с твоим дедом там такого сомища поймали!

- Ты бы так премии ловил, как сомов своих-то! То ли дело Антоновы: нахватили и уплыли в Турцию.

- Я не виноват, что Антонов - правая и левая рука босса. Сам метит в директора. Тоже хочет отдохнуть потом, как начальником заделается...

- Да помолчи уж!

Сборы были недолгими. Не в пример пробкам. Но к вечеру Карасевы увидели покосившийся знак с надписью: «Летунь».

Мишка не помнил, почему так называли деревню. Да и своего деда он тоже не помнил.

Впрочем, какая-никакая картинка в голове у него вырисовывалась. Однажды Арсений Михайлович Карасев приезжал в город на 1 сентября внука. Мишка запомнил с того раза, что дед высок, плечист и бородат. А еще был на нем выдавший виды пиджак. Из-за этого среди нарядной молодежи и взрослых дед был немного не в своей тарелке. Тогда он

смущенно говаривал: «Спинжак-то мой не к месту здесь». Вот и все, что помнил Мишка.

Арсений Михайлович, или, как его местные звали, Михалыч, всю жизнь прожил в деревне. Наотрез отказывался уезжать, так как города не любил. А родители, в свою очередь, не любили деревню. Оттого и не являлись долго. В городе, мол, больше перспектив. А комаров меньше.

- Арсений Михайлович, мы освободим вот эту комнату? - зашебетала Анастасия Степановна, как только оценила обстановку. - Она на теневой стороне, Виктору тут будет удобней работать. Вы же можете представить, сколько ему документации поручили перелопатить, только чтобы отпустить на лето к отцу!

- Да пожалуйста, - добродушно отозвался дед, – ослободжайте.

Дед остался таким, каким его представлял Мишка. Он только больше поседел и немного сгорбился.

«Пиджака вот еще не хватает», - подумал Мишка.

- На ночную рыбалку со мной пойдешь? – посмотрев на внука, спросил Михалыч и улыбнулся усами.

- Ну что вы, Арсений Михайлович, ребенок с дороги, устал. Еще и в ночь идти. Комаров и мошек только кормить.

- Настя, да пускай они там сомика поймают и сами поболтают, – вступился Виктор.

- Ну, ладно. Мы тогда с отцом здесь, в дедовой комнате пока ляжем, а утром ту освободим. Я вообще все тут приберу.

Дед достал все снасти и уложил их в небольшой, сделанный из дерева кузовок. Заплечник, как назвал его Михалыч, немного пах рыбой.

- Ну, как, Михайло, не побоишса ночью к рыбам в гости? - засмеялся дед.

- Нет, - смутился Мишка (он только по телевизору видел, как это делается).

- Ой, Арсений Михайлович, а старые вещи выложить пока во двор или что и выбросить?

- Да на свое усмотрение, Настасья. Ты сейчас здесь хозяйка.

Дорога на озеро шла через поле. Мишка обратил внимание, что в воздухе мимо него то и дело пролетают какие-то белые штуки.

- Деда, а что это такое?

- Так это пух тополиный. Ты што, в городе такого не видал?

- Да, вроде, видел, но не так много... - раскрыл рот Мишка.

- Смотри, рот не разевай, а то скушаешь!

- Как сахарная вата...

- А на вкус, чай, не сахар, - засмеялся Михалыч. - Ну, да ничего. У меня баранки с собой взяты.

Они сидели на берегу. Клева в эту ночь не наблюдалось, поэтому рыбаки заняли рты баранками и разговорами.

- Деда, а почему деревня так называется?

- Так по пуху. Мы его называем летуном.

- Ну и что?

- Как, ну и что? Каждый раз вся деревня, как в облаках, в летунах этих-то.

- А... Ой, гляди, удочка!

Леска стремительно натянулась и - хватъ — утащила за собой деревяшку.

- Держи ее! - вскочил дед.

Рыбаки кинулись на мелкоту и стали шарить по дну, ища удочку.

- Врешь - не уйдешь! – с азартом кряхтел Михалыч. - Ищи, Мишка!

- Вот она! – запальчиво вскрикнул Мишка и гордо выпрямился, держа в руках кроху-уклейку.

- Эхх! Сила есть, а мяса нету! Дура! Удочку стащила, а сама – слезы крокодильи.

Дед и Мишка расстроились и сели около костра.

- Ох, и накостиляет мне Настасья за то, что «ребенка» искупал...

- Ничего. Я скажу, что сам упал, - заверил деда Мишка.

- Ага! А она: «Недосмотрели, Арсений Михайлович!».

- Ну, ладно, дедушка, - сказал Мишка, чтобы отвлечь Михалыча от грустных мыслей. - Ты вот лучше скажи, какие рыбы интересные бывают?

- Рыбы? Да вот, ёршик, например.

- Это какой?

- А про человека,, слышал, говорят: «Ершистый». Так и он такой: не дотронуться до него. Всё колется.

- А тут он водится?

- Да сколько хошь! Только редко попадается и на жратву не годится...

Возвращались Мишка с Михалычем другой, деревенской дорогой.

- Вот моя малая родина! - хвастался дед, указывая на дома. - Здесья Платоновна живет, которая молоко продает. Ух, и кислое иногда, зараза, дает. Ну, да ничего, на простоквашу можно оставить. Зато потом Платоновна в извинение блинков нажарит да угостит. В этом доме – Наталья. Хорошая женщина. Всегда свежие газетки принесет мне. У ей муж – Игнат. Он вообще мужик неплохой, только вот женку изводит, пьет... А тут Егор, что в прошлое лето вот такенную щуку вытащил! Мы тогда вместе ходили. С него – удочка, а с меня – приманка. Зажилил, «друг», не поделился... Дело, поди, общее, а «приз» – ему. Ну, да ничего, Михайло, мы с тобой еще таких рыбех выловим! Поймаем стока, что всех в деревне попотчует!

- И ёршика поймаем? – улыбаясь, спросил Мишка.

- И ёршика! – радостно заключил Михалыч.

От дома Карасева нетвердой походкой шел какой-то мужик.

- Здорова, Михалыч! – гаркнул он.

- Здоровей видали, да не здоровались, - недовольно отозвался дед. - Опять с утра глаза залил, Игнат? Сколько раз тебе женка говорила: «Брось ты это дело!».

- Ой, погорланит да успокоится, – отмахнулся Игнат. – Тебе то что? Ты лучше скажи, кто это такой мааахонький с тобой?

Мужик неловко составил из пальцев «козу» и попытался подразнить Мишку.

- Это внук мой, Михаил, - отодвигая Мишку в сторону, сказал дед. - Вся семья вчера приехала в гости к старику. На всё лето останутся! – добавил он не без хвастовства.

- Ух ты! – присвистнул Игнат. - Столько лет ни слуху ни духу, и тут - нате! Комаров, поди, в городе развелось, так они решили сюда сбежать. Мол, тут хоть воздух чистый, целебный.

- Ну, хорош заливать-то! Сам-то, поди, чистый по совести-то? Как перед Наташкой не стыдно каждый день такие кренделя выделывать?

- А я ей вот что несу, - хитро усмехаясь, мужик полез в пакет. – Она увидит и разомлеет, и простит...

Из пакета мужик извлек поношенное, но еще вполне симпатичное платьице. Дед как-то странно нахмурился.

- Вона! Красота... А это – мне.

И Игнат, резким движением выхватив из-под платья какую-то тряпку, натянул ее на себя.

- Откуда у тебя мой спинжак? – побледнел дед.

- А вот, - манерно вышагивая, протянул Игнат, - приобрел-с. У тебя во дворе и взял.

- Откуда, я спрашиваю!..

«Это же дедушкин пиджак», - вспомнил Мишка.

- Да баба у тебя ж во дворе. Она и отдала. Горы хлама на улице выставлены. Сноха твоя, небось, постаралась.

- Сымай спинжак, быстро! И платье отдай – это Светки, дочки моей, – глухо прогудел дед.

- Что отдали, то пропало, Михалыч! А твоей Светке оно уже не понадобится: не приезжает лет триста сюды!

- Что случилось, Арсений Михайлович? – подошла к ним Анастасия Степановна. – Вы тут шумите, а Виктор пораньше сел за работу, чтобы к семейному завтраку успеть.

- Ты зачем мой спинжак Игнату сбагрила?

- О, вот она мне презентовала! Говорит, мол, вещь старая, а вам еще пригодится.

- Ну да. Вы же сами сказали хозяйничать. А у нас на работе так часто делают: отдают ненужную поношенную одежду бомжам...

- Это я-то бомж? – вскинулся Игнат.

- Сымай, говорю, спинжак, – круто повернувшись от снохи к мужику, взревел дед. - А то хуже будет!

- Бомж самый настоящий, - подключилась проходившая мимо женщина. – Бомж и вор! Сколько раз у меня молоко тырил? А что у вас тут дееется?

- Платоновна, не до тебя сейчас! – отмахнулся дед.

- Да куда он вам нужен, Арсений Михайлович? Я вам новый куплю. Хороший, модный, - пыталась успокоить разъяренного деда сноха.

- Зачем мне эти ваши новомодные? Мне этот нужен! - стоял на своем Михалыч.

- Не будешь же ты у меня, бомжа, забулдыги такого, отнимать, а? - фальшиво плачась, сказал Игнат.

- Он же старый, весь потрепанный. По бокам моль съела, по верхам – время. Зачем он тебе, Михалыч? – уговаривала Платоновна.

- Видно, правильно говорят: «По Сеньке и шапка», - ехидно заключил Игнат, указывая пальцем на Михалыча.

- Да ну вас! – махнул рукой дед и пошел прочь.

Весь день Михалыч не появлялся дома. Карасевы ходили по соседям, в сельпо, на озеро – нет деда.

Мишка решил еще раз сходить на озеро. На всякий случай.

- Деда, ты здесь?

Молчок.

- Дед, у меня баранки есть. А мама с папой дома стол накрыли, все вещи обратно в дом занесли. Тебя ждут.

Молчок.

- Деда, ну, выйди. У тебя деревяшка из-за травы высовывается.

Михалыч с удочкой нехотя вышел из зарослей и сел рядом с внуком.

- Давай свои баранки, - угрюмо проворчал он.

- Деда, вот.

Мишка достал из сумки старый пиджак деда.

- Откуда «дровишки»?

- От Игната, вестимо, - заулыбался Мишка.

- Как это он мне не отдал, а тебе отдал? – недоверчиво насупился

Михалыч.

- Я его на папин новый костюм выменял, - не смотря на деда, сказал

Мишка.

- Зря, - отрезал дед, тоже не глядя на внука. - У него этот костюм за два дня как мой спинжак станет. Еще и батя узнает – попадет.

- Ну, да ничего. Деда, а зачем все же тебе этот пиджак? Его же уже не поносишь?

- А мне не для носки.

Помолчали.

- Я в этом спинжаке твоего папашу из роддома забирал, грамоту в управлении получал, у тебя вот в школе был, - посмотрел на внучка Михалыч с благодарностью.

- И на каждый важный случай жизни – это «друг», - улыбнулся дед, любовно поглаживая ткань и выпрямляя выцветший воротник.

- В этом пиджаке мой отец за столом сидел в день Победы... - сказал он и положил обе ладони на пиджак. - Столько лет прошло, мне тогда года три было. Это я сейчас все забывать стал, а тот день весь помню. Этот спинжак

такой же старый, как я. Если он не нужен, канет в лету, то и я не к месту здесь.

- Деда, да ты НАМ нужен! Знаешь, как мама расстроилась? А папа ее, знаешь, как ругал? Она плачет, а он по двору ходит, ругается и все вещи обратно в дом носит... А мама ему помогает... Тети Светино платье вернем. Мы теперь каждое лето будем приезжать, а хочешь, вообще каждый месяц...

Они сидели на берегу. Небо было пуховым. Летуны, отражаясь в зеркале-озере, медленно проплывали над Карасевыми.

Номинация «Шукшинский стиль», 3 место
Владимир Сачков,
г. Краснодар

Два километра по прямой

Василию Макаровичу Шукшину посвящается

Уже отпричитали и отревелись. Гроб ждал свою крышку. В жаркой тишине летнего кладбища изредка раздавались глухие гроыхания далекой грозы. Двое племянников покойницы, топча глину и кусты ириса, тащили верхнюю часть домовины. Внук - Сашка, по прозвищу Француз, уже целый час сачковал, держа в руках легкий деревянный столбик с номером могилы. Он надеялся вообще не притронуться к лопате, потому что мать родила его лентяем. Зрелые года, в которых он находился, если судить по седине аккуратной прически с пробором, наделили его лишь склонностью к пьянству и брезгливостью к покойникам. Положительные черты в его характере вовсе отсутствовали, разве что отвращение к вареному луку. Он равнодушно наблюдал, как двоюродные братья укрывают от света торчащие под саваном носки погребальных тапочек, бугорок картонной иконки в мертвых руках и острый вздернутый нос его бабушки.

Едва крышка, обитая красным бархатом, с белым матерчатым крестом по центру, стала на свое место, к гробу подскочил дядька Петька Пензев. Грубо растолкав племянников, он вытащил изо рта один из шести гвоздей, быстро примерился и вколотил в изголовье. В принципе, гвоздей нужно было четыре, но, на всякий случай, в зубах он держал запас. Этот дядька Петька был самый здоровый в родне - квадратная фигура, квадратная голова и здоровенные ручищи с квадратными кулаками, в которых молоток казался легкой детской погремушкой. Забивая гвозди, он озабоченно сопел сквозь квадратные ноздри грубо вытесанного лица с низким лбом неандертальца,

над которым в такт его движений смешно тряслись мелкие черные кучеряшки, и те квадратные. Есть люди, которым идет фетровая шляпа, а этому шло забивать гвозди в гроб. Он даже забил один лишний - так, на всякий случай. Когда Пензев, слегка нагнувшись, повернулся спиной, Сашка увидел его здоровенный слоновий зад на таких же мощных, слегка кривых слоновьих ножищах: "Ну и байда! Хоть ворота в таможне высаживай".

- Давай веревки! - скомандовал тем временем дядька Петька.

Женщины расступились, пропуская вперед еще одного родственника с двумя кусками веревок. Командир вырвал их из рук и, самолично пропустив веревки под гробом, раздал концы племянникам.

- Давай, племяши, взялись, только, смотрите, не уроните - это вам не Брежнев!

Гроб осторожно оторвали от двух табуреток и, спотыкаясь о крупные куски земли, поволокли к прямоугольной яме. Скоро кое-как расположились по углам.

- Ну, что, уперлись? - Пензев каждому заглянул в лицо. - А теперь - трави! Помалу, помалу, не спешите... Вот так. Все. Тама!

Вспотевший Пензев утёрся рукавом рубашки и пригласил к могиле женщин. Пока те бросали по горсти земли, он аккуратно сворачивал веревки. Потом стал искать глазами лопаты. Нашел у соседней могилы - и совковые, и штыковые. Тут же приказал:

- Сашка, тащи сюда лопаты!

Француз терпеть не мог ни этого дядьку Петьку, ни его властный голос. Он выругался про себя и, нехотя оставив деревянный столбик с номером, нарочно медленно поплелся к лопатам. Там вялыми хамелеоновскими движениями собрал их в кучу и, делая вид, что переносит стокилограммовую штангу, со страдальческим выражением лица стал транспортировать их к могиле. То есть доказывать, что эти пять шагов даются ему совсем не легко. Пензев свирепо наблюдал за ним.

- Не умер? - подколот он, когда Сашка раздал инструмент.

- А чо? - с вызовом отвечал Француз.

- Чо - по-китайски жопа!

Сашка, осторожно взглянув в строгие глаза двоюродного дяди, покорно опустил белесые ресницы и отошел в сторону, к спасительному деревянному столбцу. Там он снова взял его в руки и отвернулся в сторону.

Не дожидаясь, пока женщины закончат своё мелкое дело, Пензев опять скомандовал:

- Давай, ребята, закончим эту канитель, да поживее! - и первым стал сгребать в яму.

Глядя, как любовно и легко он управляется с совковой лопатой, Сашка подумал, что вот некоторые появляются на свет с серебряной ложкой во рту, а Пензев, уж точно, родился с лопатой. Вот взять бы и написать про него стихи. Например, такие: «Пензев родился с лопатой во рту!» А потом дать ему почитать: на, дядь Петь, чтоб понтов поменьше колотил! Ещё говорит: я не шофёр, я водитель. Ну, тогда такие ему стихи: «Пензев с лопатой во рту за рулём самосвала!» Тоже командир нашёлся...

Когда над могилой образовался небольшой холмик, Пензев заметил, что племянники выбились из сил. Он и сам порядком подустал, по груди и по спине его белой рубашки бежал тёмный ручеек пота. А Француз всё стоял в стороне и спокойно курил. Покидав ещё с полминуты, Пензев не выдержал и крикнул:

- Сашка, иди смени кого-нибудь!

- Близким родственникам закапывать нельзя, - Француз любыми путями хотел сачкануть.

- Какой ты близкий родственник?

- Я внук!

- Какой ты внук? Ты алкаш. Вот где твои кенты? Как бухать - так вместе, а как лопатой поработать, так их нет никого!

- Так вы же сами сказали, дядь Петь, что если кого-то из моих кентов на поминках увидите, то утрамбуете!

- Ты мне мозги не пудри! - Пензев подошёл к Французу и отобрал у него столбик, - Не за то держишься. Ну-ка, иди поработай! - и вручил ему лопату.

Француз, сверкнув взглядом, всё-таки пошёл к могиле. Там, опять же показывая, что прилагает невероятные усилия, стал кое-как ворочать полупустой лопатой. Пензев, сменивший одного из родственников, отметил, что он слишком часто останавливается, якобы за тем, чтобы очистить лопату от прилипшей глины.

Но скоро пошли отделочные работы. По бокам высокого остроугольного холма устало шлёпали лопатами, пытаясь расплющить крупные куски чернозёма. Дядька Петька воткнул в ногах столбик с траурной лентой.

- Во какой мы ей кораблик сделали! С мачтой. Нехай плывёт!

Внезапно появившаяся в воздухе духота мешала отдышаться. Пензев глянул вверх и сквозь дыру в кроне старого дуба увидел тяжёлую тучу.

- Женщины, несите венки! Надо нам до дождя успеть.

Венков было всего два – «От родственников» и «От соседей». Пензев расправлял чёрные ленты с бронзовыми надписями, ежесекундно поглядывая вверх. Наконец закончив, объявил:

- Шабаш!

Полтора десятка людей, спешно пробираясь меж крестов, потянулись к автобусу. Пензев шёл последним, сильными ударами крупных башмаков отряхивая прилипшую глину. Он ещё задержался перед асфальтовой дорогой, очищая лопаты друг от друга. Потом сгрёб их в кучу и последним зашёл в салон, где ему оставили переднее место. Он сел, удерживая деревянные ручки перед собой, а потом, резко обернувшись, спросил неизвестно у кого:

- Верёвки забрали?

Кто-то ответил, что да.

- А молоток?

- Да, да!

Завёлся двигатель и «пазик» тронулся. Пензев заметил рядом с собой Француза.

- Ну вот, Сашка, и схоронили бабушку. Пусть ей земля будет пухом...

Вслед за этим так сильно грохнуло, что задребезжали автобусные стёкла в ржавом кузове. Через несколько секунд автобус стали бомбить крупные капли дождя.

- Слава Богу, успели! - мелко перекрестился Пензев.

Перед въездом с кладбища он остановил машину у сторожки и передал туда весь похоронный инвентарь. При этом его слегка намочило резко набирающим обороты ливнем. Пензев сел на своё место, ёжась и довольно потирая руки.

- Вот видишь, Сашка, повезло тебе! - дядька Петька толкнул мощным локтем хилое долговязое тело.

- А почему это мне повезло?

Француз повернулся к окну, как будто равнодушно наблюдая за прозрачными потоками воды, внезапно появившимися на стекле.

- Потому что ты ничего в жизни не видел и не знаешь, как бывает.

- А как бывает? - с издёвкой спрашивал Француз.

- Ааа! Вот ты сидишь сейчас в сухоте, под мышками у тебя не жмёт и ещё ноги раздвинул, как проститутка. Чего там у тебя между ног случилось?

- Ничего не случилось. Всё нормально! - огрызнулся Француз.

- Если нормально, так и сядь нормально.

Сашка нехотя подвинулся.

- Вот так! Сиди и слушай, что старшие говорят.

Сплошной стеной шёл тропический ливень, щётки не успевали работать, резко упала видимость, и автобус замедлил ход. Иногда очень сильно где-то взрывался гром, богобоязненные старушки в конце салона подпрыгивали и крестились.

- А если б ты знал, как раньше хоронили, - поднял брови Пензев, - ты б не выступал.

- Я и так не выступаю, - Француз шмыгнул носом и скрестил руки на груди, показывая, что ему не очень-то хочется слушать.

- Нет, ты слушай, - навязывался дядька Петька. - Это сразу после реформы было, году в шестьдесят первом. Я тогда один с матерью жил. Сколько ж мне тогда было? Кажись, двадцать шесть. Ага. И вот тогда умерла одна старушка по соседству. Бабка. Одинокая. А хоронить некому. Помню, мать-покойница всё уговаривала меня: мол, Петенька, надо похоронить старушку. А что Петенька? Я с этой старухой и не якшался вообще. С работы иду - она в грязных калошах сидит - ну, здрасьти, ну, до свиданья. И всё.

Сашка, выпятив нижнюю губу, показывал, что разговор ему не интересен. Сейчас он весь сконцентрировался на поминках, на водке и на закуске.

- А мать уговаривала: сделай Божье дело, похорони. Тебе зачтётся. Я, дурак, послушал. Позвал двух своих друзей - Серёжку и Федьку. И вот зашли мы с ними в её убогую хату... лежит эта старуха на кровати, в калошах, и костыль в руке. Мать тоже следом зашла, говорит, надо бы обмыть её. Я говорю: «Мама, если Вам надо - так Вы и обмывайте. Я ни за что на это не пойду». А она мне: «Ты же знаешь, сынок, я слабенькая, болею, я не смогу». Тогда, говорю, нехай так на тот свет прётся, что их, говорю, санитары там всех принимают? Мать говорит: «Не надо так, сынок, она всё слышит». Да и нехай слышит! Она ещё спасибо должна сказать, что её вообще хоронят. А то залежит здесь, завоняется, потом собачники приедут, дустом обсыплют и свезут куда-то на свалку.

- Как я это сказал, слышишь, - Пензев снова огрел Француза локтем, - бабка чего-то вся передёрнулась. Судорога у неё мертвая или что - я не знаю. Но, помню, мать аж перекрестилась. А мне что? Мне ничего. Я о другом думал: где доски взять? Это сейчас гробы готовые государство выдаёт и самого последнего бомжа всё равно схоронят как надо. А раньше сами гробы делали или заказывали заранее. Вообще, не стал я на неё деньги тратить. Из её же сарая досок понадёргал и за пятнадцать минут мы ей втроём коробку и

сколотили. Так, как есть, в грязных калошах и с костылём внутрь и поклали. Чего мелочиться, тут же крышку заколотили - и готово! Только я последний гвоздь вбил - как гребанёт на дворе! Гром. Вот как сегодня на кладбище. Я на улицу выскочил, смотрю в небо. Чего-то не понятно - то ли пойдёт, то ли нет? Вроде как тучи далеко. Да и тянуть-то, Сашка, не хотелось. побыстрей бы от неё избавиться - и дело с концом! Федьке и Сергею говорю, давай быстрее, понесли. А те: так нас же трое, нужен ещё один человек. А то - как нести? Я им говорю: «Ничего, я впереди один пойду, а вы вдвоём, в головах, сзади.» Я тогда здоровый был, мог и один гроб оттащить, только неудобно. Да и чего там нести, ведь близко же, всего два километра по прямой!

- Понял, Сашка? Это вот тебя сейчас и туда и обратно на автобусе везут. А раньше на своём горбу покойника тащили. По Советской до Затишья, это до кладбища, значит.

- Да, я помню... - пытался что-то вставить Француз.

- Чего ты там помнишь! Помнит он... Раньше, даже если кто и побогаче, всё равно на своих двоих несли, оркестр закажут - и те давай похоронный марш дуть. Далеко слышно. А ты, бывало, бросишь свои дела и выбегаешь на улицу - кого же это там хоронят? Ага, опять, наверное, какой-то генерал. Ближе подходят - действительно, генерал. И на подушках его ордена несут. Бам-бам-барам! Так жутко, аж яйца застывают! А ты говоришь - музыка!

Дождь не прекращался. Сверху в некоторых местах стала течь крыша. На дядьку Петьку лилась небольшая струйка, и он отодвинулся к проходу. На улицах образовались реки, водитель совсем сбавил обороты, и автобус еле плёлся. Пензев сокрушался:

- Ах, как заливает, как заливает! Вот и в тот день точно такой же дождь лил... Музыка, музыка, - бурчал он, глядя в пол, - какая там музыка?! Нам бы её хоть как похоронить, эту бабку. И чего я сразу попёрся, ведь можно было и позже похоронить. Полежала бы в ящике, ничего бы с ней не случилось. Так нет же! Приспичило. Только мы со двора вышли - как полилось! Переулком шли... Дорогу размочило, из земли всякая дрянь повылазила - мусор какой-то,

гвозди кривые, пружины от дивана, зола, ещё какое-то говно. Я иду, ничего не вижу, в глаза дождяра хлещет. Спотыкаюсь, скольжу, матюкаюсь, два раза чуть не упал. Ну, до Советской, до асфальта, добрались, там полегче стало, там побежали. А всё равно - погано! С гроба мне за шиворот льёт, пинжак тяжёлый стал. Голову под гроб спрятал - за шиворот уже не течёт, зато в рукава затекает. Вот так! А ты в сухости путешествуешь...

- Знаешь, Сашка, что мы тогда забыли? Не знаешь, нет? А ты подумай, - Пензев, улыбаясь, тербил Француза за рукав.

- Откуда я знаю, дядь Петь, чо вы привязались?

- Подумай, дурень, подумай! Что в этом деле самое главное? Ну? Что? Могила, дурак! Мы же могилу не выкопали! Эх, ты! Я об этом вспомнил, когда мы уже через железку перебежали. Во дела! И как быть? Что, под дождём копать? Вон, посмотри на улицу. Как можно в такую погоду копать? Я по-другому придумал. Знаешь, как?

Он опять взял Француза за плечо, загадочно всматриваясь в глаза.

- Отстань, дядь Петь, отстань! - отмахивался Сашка.

- А ты учись, может пригодится. Мы оставили гроб на входе ...

- И чо, соскочили? - эта идея так понравилась Французу, что он засмеялся, ударив в ладоши.

- Эх, ты, халявщик! Я сказал Федьке: «Ты беги туда, а ты, Сергей, - туда, а я туда». В трёх направлениях, понимаешь? Через двадцать минут здесь снова встретимся. Ведь каждый день люди мрут в городе. Понимаешь? Кто-то уже для своего родственника могилу вырыл. Но он же не придёт хоронить в такой дождь? Это только мы умные такие. Вот там бабку и закопаем. Какая разница, где ей лежать? А тот, другой, себе новую ямку выкопает. Ага. Через двадцать минут снова сошлись. Они-то ничего не нашли, а я нашёл. В одном месте, недалеко от дороги, заметил я две глинистые кучи - ага, значит наша. И вот, ухватили мы, значит, по-новой, и быстрее, быстрее туда. Подбегаем - мать! Яма вся до краёв полна воды! Вот так вот! Что делать? А что делать,

говорю, бросай его, ребята! И как есть в ванну плюхнули. Брызги полетели, а нам плевать! Мы и так мокрые.

Пензев выдержал изумительную паузу.

- Он сначала топнуть не хотееееел... Ну, а руки тебе для чего? И голова. Огляделись - в кустах две лопаты припрятано. Подняли лопаты и давай его топить. Я не помню, бульбы шли или не шли? Желобок в земле прокопали и давай гроб землёй присыпляют. Он и потихоньку на дно и пошёл. Архимедову силу похоронили совместно с бабкой, бугор сверху какой-никакой нарыли, лопату вместо креста воткнули и пошли. Да оно, с другой стороны, в дождь хоронить лучше - быстрее осядет.

Француз слушал, открыв рот.

- Пивную у кладбища знаешь? «Доктор Хас» называется. А раньше называлось «Последний путь». Зашли мы туда, по кружке пива выпили - вот тебе и все поминки.

- Ну и что потом? - надеясь на продолжение, интересовался Сашка.

- Что потом? Потом-то всё и началось, - тяжело выдохнул Пензев.

- А что началось-то?

- Э-э, брат, лучше не говорить. Страшная вещь.

- Ага, я так и поверил! Выдумывай!

Сашка сделал вид, что ему не интересно, и снова отвернулся к окну. На самом деле ему было любопытно, и надо же было занять чем-то скучную дорогу до дома. И ещё такой дождь идёт! Француз длинно и вкусно зевнул.

- А ты знаешь, босяк, что я об этом никому не рассказывал? И кто меня за язык дёрнул? Наверное, дождь виноват. Ладно уже, расскажу. Слушай. Стала мне скоро эта бабка сниться. Во сне приходит.

- И что она, ругалась? - оживился Француз.

- Наоборот. Молчала. Вот это и есть самое страшное. А начиналось всегда одинаково: сначала шаги были слышны - шарк, шарк, шарк калошами своими погаными, как брашпилем тебе по мозгам! А потом сама из-за угла выходит. Остановится, смотрит на меня и молчит.

- Страшная?

- Не, не дюжа.

- Ну, а чо тогда?

- А то, что воняло от неё куриным навозом, а я этот запах, понимаешь ты, терпеть не могу!

Дядька Петька хотел опереться рукой о переднее сиденье, он забыл, что сидит первый, что впереди сидений нет. Рука его провалилась в воздух, и сам он чуть не упал.

- Тьфу ты, бес!

Французу такой промах доставил удовольствие, он прикрылся рукой, чтобы не было видно смеха.

- Так тебе, что, дядь Петь, и запахи снятся?

- А как же?

- А вот мне - нет.

- Это потому, что ты лентяй! И алкаш.

- Ну и хорошо! А я всё равно не верю, что запахи могут сниться.

- Дай мне сто рублей! - неожиданно потребовал Пензев.

- Зачем?

- Ну, дай сто рублей! - громко требовал он. - Вот видишь, нету у тебя.

- Да зачем? - не понимал Француз.

- Если б ты мне дал сто рублей, может быть, я бы и соврал. А так, какой мне смысл?

Сашка уже давно не краснел, когда его спрашивали, есть ли у него деньги. Он работал в театре монтировщиком декораций и свою зарплату, полторы тысячи рублей, просаживал очень быстро. Но дядька Петька - жесток! И знает, сволочь, как человека обидеть. Знает, у кого есть сто рублей, а у кого нет. Француз надул губы и засопел.

- Так вот, слушай! - Пензев, не обращая внимания на обиду, двинул кулачищем по Сашкиной худой коленке, - каждую ночь приходит ко мне эта бабка, воняет своими калошами и молчит. Ну, иногда костылём куриный

помёт с калош отковыривает. Это ж она мне специально спать не даёт, изматывает. А мне каждое утро в автокомбинат к пол седьмому идти. Я же не высыпаюсь!

- Я её спрашиваю, - повысил голос Пензев, - Чо те надо? Чо тебе, говорю, падла, надо? А она так смотрит своими кровяными глазами, смотрит и молчит. Я уже не выдержал, матери говорю: «Мама, что мне делать? Эта старуха мне спать не даёт.» Мать расспросила, как и чего, и говорит: надо в церкви свечку поставить - за упокой души. Я пошёл, купил за рубль толстую свечку, поставил, где и все ставят, и ушёл.

- Ну, и чего ты думаешь? - навалился всей тушей Пензев.

Хрупкие кости Француза трещали под тяжёлым весом назойливого родственника. Он дышал горячим жаром крепкого здоровья и хотел знать:

- Ты думаешь, мне легче стало? Да? Ну, может, чуток полегче. Хочешь, скажу, что потом было? Хочешь?

Он выдавливал из Француза это слово. В буквальном смысле давил тушей и выдавливал. Француз не выдержал:

- Ну, хочу, хочу! - лишь бы он отвалился, слон.

- А вот я тебе не скажу!

Пензев отодвинулся и замолчал, демонстративно глядя прямо перед собой в серую муть дождя за растрескавшимся лобовым стеклом старого автобуса. Сашка, как бы ни был обижен, всё же оценил юмор ситуации. Кроме того, ему было интересно, чем всё закончится. С полминуты он сидел спокойно, а потом решился осторожно дотронуться до дядькиного колена.

- Дядь Петь, а, дядь Петь!

Пензев порывисто обернулся.

- Слушай, тебе сколько лет?

- Ну, тридцать пять.

- Тридцать же пять лет тебе, дураку! А ты посмотри на себя! Седой, худой и никакой!

Он наклонил свою квадратную голову.

- Смотри! Мне шестьдесят лет. Смотри! Ты видишь хоть один седой волос?

- Это Вы, наверное, краситесь.

- Чо я, пижон? Просто работать надо, вкалывать. Тогда и здоровье будет. А ты же не работаешь ни черта. И не желаешь.

- Как? Я же работаю. В театре, - оправдывался Француз.

- Кого? Работает он! Занавески там меняет. Это что, работа что ли? Чем ты там дышишь? Пылью! Ты думаешь, я не знаю, что такое театр? Я знаю. Театр - это мыши и проститутки! Понял?

Пензев крепко собрал квадратный кулак и подsunул его ближе к Сашкиному носу. Тому пришлось несколько отстраниться.

- Ты не дури, Сашка, найди себе нормальную работу. Мужичкую. А то ходит в костюмчике, с пробором, ломается... Француз! Тоже мне, француз без Франции!

- Да ладно, дядь Петь, - Сашка конфузливо опустил голову.

- Чего - ладно? Тебе жениться надо, вот чего! А ты ходишь, слюни пускаешь и ещё водочку посасываешь. Твой отец отчего умер? Винище хлестал - вот отчего! Вот и ты так сдохнешь, если за голову не возьмёшься.

Эти разговоры Француз слышал тысячу раз - и от матери, и от родственников, и от директора театра. Они ему надоели. И чего все к нему суются, чего лезут со своими правильными советами как жить? А, может, он хочет жить по-своему!

- Дядь Петь, - махнул рукой Француз, - вы лучше расскажите, как там дальше было. Про бабку эту, покойницу.

- Про бабку? - Пензев вдруг раскрыл на всю большущую квадратную пасть с толстым языком - зевнул. Потом грубо отрыгнул и, довольный, что у него получилось и то и другое, охотно продолжил повествование.

- Значит, как только я свечку поставил, на следующую ночь заговорила со мной бабка. Явилась опять же мне во сне и шепталом своим беззубым на меня как зашипит: «Ты чего меня в лужу бросил?» Я ей отвечаю: так, мол, и

так, дождик шёл. А она снова шипит, как змея: «Почему ты мне крест не поставил? Пока крест не поставишь, буду приходить к тебе каждую ночь».

- Ты понял, Сашка, с кем я связался? И вроде не ведьмой она была, обычная старая бабка. Ага. Я на утро опять к матери: что это значит? Мать говорит, да сделай ты ей крест, сынок, она всё же бабушка верующая была. Ну, ладно. Нашёл я на работе старый кардан от «газона», четыре зилловских шатуна из поршневой группы и в обед, пока сварщики кефир пили, сам всё и сварил. Положил кардан на землю, два шатуна по бокам пропердикулярно приставил, а ещё два - пониже и так, знаешь, наискось, чтоб получилось православие. Потом всю эту бодягу проварил электросваркой. Первый раз в жизни варил, но ничего, получилось. Я даже табличку к кресту прикрутил, железную. Собственноручно зубилом на ней вырубил: мол, бабка такая-то и такая, мол, на свет вытащили такого-то числа и года и обратно зарыли такого-то. Потом пошёл и этот крест вкопал.

- Ну и что, - спросил Француз, - больше она не снилась?

- Куда там! - гаркнул Пензев, - В следующие разы снится мне сон, будто сплю я на своей кровати. И вот меня кто-то начинает толкать. Я оборачиваюсь - передо мной опять эта проклятая старуха. А, думаю - это мне снится, хотя, вообще-то, не должно. Перевернулся на другой бок - опять в меня чем-то пхают. Повернулся - опять она. Тычет в меня своим поганым костылём. То в голову, гадина, попадёт, то в живот, то ещё ниже. Я хочу поймать костыль руками - не могу, действует она им, тварь, ловко, как шпагой. И встать тоже не могу. Вот она меня и шпигует. Я ей кричу: «Что тебе надо, старая, от меня? Крест я тебе поставил, что ты припёрлась?»

Дядька Петька вытащил из кармана пачку «Примы». Потом, видно, вспомнив, что в автобусе курить нельзя, с досадой засунул её обратно.

- Она мне, знаешь, что сказала? Поставь, говорит, мне оградку на могилку.

- Во даёт! - изумился Француз.

- Ага! Хочу, говорит, оградку, иначе костылём измордую. А я ей: знаешь что? Я говорю: это же шантаж! Сашка, натуральный шантаж с того света! Я ей говорю: «Почему именно я должен делать всё это?» Я говорю: «Я тебе не брат, не сват, никто. Отстань от меня!» А она мне: «Я что, виновата, что у меня никого нет? У меня муж был, двое детей, я что, виновата, если их войной поубивало? Я ведь за ними ходила, шила, стирала, обеды готовила, говно ихнее убирала. Сколько я полов перемыла, сколько картошки перечистила, сколько раз кипятком обваривалась, сколько раз мужу под пьяную руку попадалась и сколько ночей не спала! Кто посчитает?» «Да ведь я ж, - говорит, - не всегда была старухой. Я же когда-то девочкой была, сладкое любила, я же красивой была». «У меня, - говорит, - было белое платье!» И заплакала.

- Кровавыми слезами? - хотел угадать Француз.

Пензев снисходительно покачал головой.

- Простыми, дурак, простыми. Жаль мне стало её. Утром я матери ничего не сказал, а пошёл сразу на «Ширпортеб». Там рядом свалка была. Нашёл я там кучу алюминиевых отштампованных листов, все в дырках от ложек. Получается, знаешь ли, такая готовая решётка, я из таких себе крольчатник наворотил. Ну вот, набрал их штук десять, раскладушку старую разломал, трубок из неё напилит, - вот тебе и оградка. Пошёл и поставил.

- И всё, больше она не снилась? - осторожно спросил Сашка, опасаясь, что его снова могут обозвать дураком.

- Нет. Ещё раз всё-таки притащилась. Опять костылём меня ткнула. И сказала...

- Что сказала?

Пензев хитро улыбнулся.

- Спасибо!

Автобус качнуло на повороте. Протерев ладонью запотевшее стекло, Француз, наконец, увидел очертания с детства знакомого двора, старый двухэтажный жактовский дом и свет в окне бабушкиной квартиры, где за

стеклом, на кухне, шли приготовления к поминкам. Он мгновенно забыл то, что ему рассказывали. В пустоте желудка зазвенела тугая струна, гулко передавая зуд всему телу. Целый день он ждал. Но терпеть уж осталось недолго. Скоро он хорошо выпьет и вкусно закусит.

Диплом специальной номинации
«За раскрытие темы русской души в шукинской стилистике»,
Сивоконь Кристина Игоревна,
г. Москва

Вода

Пашка бежал по проселочной дороге, поднимая пыль рваными китайскими тапками. Две пустые пятилитровые баклажки (так мама называла пластиковые бутылки) гулко грохотали, ударяясь друг о друга и об худые загорелые ноги Пашки. Пашка был маленький и щуплый, выглядел лет на девять, хотя ходил уже в седьмой класс. Дикие черные глаза его заливались детским потом, щурились от пыли, страдали от яркого рассветного солнца. Глаза у него страшные, все говорили: и директриса школы, и соседка тетя Маша, когда в прошлый раз молоком отпаивала – мол, слишком взрослые.

Навстречу шла тучная баба лет сорока, прихрамывая от своей ноши, с такими же бутылками, что у Пашки, но уже победно полными. Громкий гудок старенького «Жигуля» требовательно прогнал Пашку с дороги. Сердце парня билось скоро, казалось, сотрясая всю худую детскую грудь.

Добежав до перекрестка, где проселочная дорога, как речушка, вливается в большое серое полотно асфальтовой дороги, Пашка заметил большую бочку водовоза. На ней синим трафаретным шрифтом было выведено заветное «ВОДА». Машина уже уезжала, оставив позади лужу. Парнишка в последней надежде крикнул вслед не по-детски грубым, сломанным голосом: «Стой!». Сразу стало ясно: такой голос не мог принадлежать щуплому девятилетке, Пашка точно старше, чем выглядел на первый взгляд.

В глазах у парня появилась недобрая искра, он сделал последний рывок, но обидно запнулся об асфальтовое полотно и упал. Боль прострелила

от коленки будто в самую голову. Рана сразу выдала кровавый след, повторяющий узор асфальта.

Ковыляя обратно, Пашка бубнил что-то себе под нос и совершенно не заметил старенькую иномарку, медленно подъезжающую к нему.

- Садись, – из окна серой машины выглянула Людмила Иванна, его учительница по русскому. Красивая женщина, интеллигентная, всё в её образе какое-то не местное, Пашка всегда это замечал и дичился этой женщины. В отличие от остальных декретных училок, одинокая и какая-то серьезная, что ли. Пашка сначала отказался, неудобно ему было перед этой женщиной, ещё машину запачкает в пыль и кровь. Он хоть и был из бедной семьи, но в школу всегда ходил опрятным. Но Людмила Иванна настояла.

Потом они стояли на обочине, она поливала ему коленки водой из бутылки, он терпел, даже не шурился, а она его расспрашивала. Мягко как-то, совершенно не обращая внимания на грубоватые односложные Пашкины ответы. Так и узнала – не проспал, вовремя вышел, а Ванька велосипед не дал. По воскресеньям, такой у них с Ваней из класса был уговор, Ваня ему велик давал за водой ездить, Пашке даже просить не надо было, Ваня его у калитки оставлял, а Пашка по возвращении в сарай закатывал. А сегодня ничего у калитки не обнаружил.

- А чего не постучал?

Пашка недовольно молчал, пока Людмила Иванна заводила мотор. Она поглядывала на него со своего водительского сидения.

- Да, я ему вчера в морду дал, - обескуражил её пассажир. И сразу в окно отвернулся.

- Чего это? – строго, скрывая смешок, уточнила учительница.

Пашка не ответил. Ваня был лучший друг, а про лучшего друга нельзя такое рассказать, даже если он скурвился. Пашка не знал, что такое «скурвился», так его отец говорил, но по интонации и выражению лица Пашка всегда понимал, что это значит что-то плохое. Из-за отца собственно Пашка другу в морду и дал.

Отношения у Пашкиных родителей всегда были вулканические. Отец говорил: это из-за того, что мама у него «цыганча». Мама действительно была смуглая, жилистая, темноволосая, надень цветастый платок на голову – прямо гадалка, какую Пашка видел, когда в райцентр на День города ездили. И характер у мамы был крутой, своенравный. Вроде женщина тихая, мирная, но, если чего решит, – не сбить. И вот она и решила. Месяц назад отцу заявила, чтоб выметался.

- Куда ж мне? – повел бровью отец.

- А куда ходишь, весь поселок знает. Или не ждут там тебя?

Отец как-то сжался от этих слов, как будто меньше стал, тихо встал со своей табуретки и вышел. С тех пор Пашка его и не видел. И жили они с матерью в этой тишине, которую отец после себя оставил. Тяжелой, вязкой, какую нарушить страшно. Пашка вспоминал, что в последний раз в доме так тихо было, когда бабка умерла. А тут никто не умер, но в доме поселилась эта страшная тишина.

Что с мамой, Пашка не понимал, но сердцем чувствовал, что на душе у неё растёт печаль. Стала она хворать, но не простуда это была, не обычная болезнь. Сначала Пашка взял на себя все заботы о младшей сестре Вере. Благо, лето, каникулы. Вера была, как отец, голубоглазая и громкая, готовилась в школу этой осенью. Танцевала и пела каждый день. Пашка водил её во двор, чтоб сохранить для мамы тишину их дома. Там, присев на скамейку, он смотрел её концерты и думал. Он в последнее время много думал. Потом приучил Верочку читать, там же, во дворе, в теньке сажал её, пока сам дрова колот, двор мел.

Тогда же и за водой стал ездить, отец же и машину с собой забрал. Кроме машины он ничего и не брал, честно сказать, рубашки его висели нетронутые в шкафу. Мать их не трогала, Пашка тоже стеснялся, хотя однажды хотел. Проснулся утром, а в груди злость, будто всю ночь зрела, пока спал, и с первым солнцем прорвалась. Уверенно открыл шкаф,

схватился за рубашки эти и обмер, будто все силы его покинули. Поправил, оставил висеть.

А мама все чаще лежала в своей комнате и смотрела на мазаные стены, будто там что-то новое можно увидеть.

Гулять, прыгать в реку с тарзанки, с парнями в ножички, – на все это у Пашки времени теперь не было, вот поэтому Ванька на него и обижался. И вчера, поймав его у калитки, так в лоб ему и заявил: «Видел папку твоего с невестой новой. Красивая». И в этом «красивая» столько для Пашки обиды было, что он сам не заметил, как сжал свой кулак и приземлил его на лицо лучшего друга с каким-то странным треском. Пашка сам не ожидал, что так это его обидит. Бил он Ваньку, как будто это он его бросил, будто это его рубашки в шкафу не висели, будто это он забрал из Пашкиного дома все звуки и поселил там эту скользкую тишину.

- Я сам виноват, – после долгой паузы заключил Пашка. - Хорошая у вас машина, вы давно водить выучились?

- Сразу после школы, уже пятнадцать лет вожу, – ответила Людмила Иванна.

- А взрослая женщина может выучиться?

- Конечно, в любом возрасте можно. Надо курсы закончить и экзамен сдать.

Пашка обрадовался этой информации, будто не знал. А может, и не знал, у него никто из знакомых женщин не водил машину. Он просто об этом не думал раньше.

- А вы меня тут высадите, я дойду, чтоб вам не разворачиваться.

- Я до калитки доброшу, чтоб далеко тебе бутылки не тащить.

- Так они же пустые.

Людмила Иванна улыбнулась в ответ мудро как-то, как только она умела. Припарковалась, открыла багажник, Пашка вылез из машины и на первом же шагу вспомнил, что колени содраны и болят.

Людмила Ивановна достала из багажника две наполненные пятилитровки, позвала Пашку к себе. Он настоял на том, чтоб заплатить ей за воду, и отдал свои бутылки взамен полных.

Учительница ещё немного постояла у калитки, наблюдая, как этот мальчишка, просиявший от такого простого дара, похромал в свой двор с двумя бутылками воды. Пашка же вошел в дом, крикнул Верочке, что вернулся, и уверенно пошел в мамину комнату.

- Надо нам с тобой, мама, машину купить. Я уже подумал: сейчас ягоды, потом овощи продам на станции, ты, наверное, на работу устройся, так кредит лучше дадут, и поедешь на права учиться.

Мать посмотрела на своего ребенка, заметила его стесанные коленки, разводы воды на пыльной коже, на всю его уверенную крошечную фигуру и заплакала. Заплакал и Пашка, по-детски, искренне, крупными слезами, но как-то беззвучно.

А Верочка на кухне наливала им студеную воду в кружку с надписью «Лучшей маме на свете», очень хотела порадовать, в доме стояла летняя духота, а мама с самого утра так и не вставала. Вера втайне от брата разучила для неё песенку, но не знала, с чего начать – придумала повод и уже уверенно шла в комнату, к своим.

Диплом специальной номинации
«За яркое воплощение деревенской атмосферы»,
Кречмер Алла Николаевна,
Нетания, Израиль

Тётя Катя из сельмага

60-е годы 20 века

Тётя Катя начала работать в сельском магазине ещё до моего рождения, она так и представляется мне стоящей за прилавком, на котором возвышались весы с гирьками. Именно возвышались, потому что я из-за малого роста могла снизу наблюдать, как продавщица взвешивает кулёк с сахаром или макаронами. И сама тётя Катя казалась огромной, вроде статуи «Девушка с веслом», которая пугала меня своими размерами в саду возле железнодорожной станции. Ассортимент в сельмаге был обычным для того времени – сахар, соль, спички, мука, макароны, разномастные консервы с преобладанием овощных закруток, как будто любая хозяйка не делала такие же после уборки урожая со своего огорода. Удивительно, что маринованные огурцы шли нарасхват, хотя дома в погребе томились солёные, выпестованные на родной грядке.

Кроме продуктов в сельмаге можно было найти галантерейные мелочи, недорогую фаянсовую посуду и кое-что из одежды и обуви. Про обувь упоминаю только потому, что бабушка покупала там неизменные боты «прощай, молодость» и резиновые сапоги. А насчёт одежды, то иногда случался завоз, и на несколько дней или даже часов мрачноватое помещение магазина превращалось в поле битвы за платье из джерси, мохеровые кофты или модные заграничные рубашки.

Я в ту пору ещё бегала в ситцевых платьишках и неизменных сандалиях, поэтому о баталиях за дефицит знала только понаслышке, да и бабушка не страдала от того, что ей не досталась кружевная комбинация, к тому же она неплохо шила и вязала.

Однажды тётя Катя уехала в район получать товар с базы. Заканчивался второй квартал, время шло к концу июня, а план горел. Местное население сначала занималось весенними посадками, а потом постепенно перешло к сенокосу, поэтому покупателей было мало. Приезжали дети, бросали велосипеды у входа, на бегу покупали ириски или конфеты-подушечки и мчались на речку. Приходили старушки из дальних деревень – эти набирали по наволочке макарон, сухарей или круглого печенья, затем тащили несколько километров до дома, чтобы не появляться в магазине месяц-полтора. Выручал период заготовок, когда сахар покупали мешками на варенье, да и тут вышла незадача: клубника нынче припозднилась из-за майских дождей. Ягоды уже появились на грядке, но пока не думали краснеть. Все терпеливо ждали, когда можно будет поесть вдоволь ароматных ягод и собрать на продажу и на варенье. В наших местах клубнику не варили, а сырую перетирали с сахаром и так хранили в подполе или студёном погребе.

Короче говоря, попала уважаемая Екатерина Михайловна в сезон затишья. Начальство выслушало её жалобы, посочувствовало, но план не отменило – ничего не попишешь, им самим, если что, по шапке надают. Единственное, в чём они помогли тёте Кате, надавали с базы массу дефицитных в те годы игрушек из ГДР, разноцветных кофточек из Югославии и несколько синтетических финских платьев.

Пока тётя Катя радовалась и прикидывала, удастся ли ей одолеть всемогущий план, начальник базы вынес новый ящик.

- Что это? – спросила продавщица, она подумала, что кладовщик принёс новую партию кофточек, но в ящике оказались бронзовые фигурки – бюстики вождей, которыми тогда были заставлены все отделы сувениров.

- Нагрузка тебе, Катерина, распишись-ка, что получила товар, - проговорил кладовщик и протянул документ, где она, не глядя, поставила подпись.

- Кого ты мне подсунул, окаянный? – завопила она, вынимая по одной бронзовые фигурки, сделанные довольно аляповато. - Мы же не город, кто у нас их купит? Разве что орехи колоть.

Кладовщик воровато огляделся и зашептал:

- Ты что, рехнулась? Полководцем Семён Михалычем Будённым орехи колоть? Знал бы он, как ты его хочешь приспособить, порубал бы тебя шашкой.

- Не серчай, Акимыч. Я и не разобрала, что это товарищ Будённый. А тот помельче? – тётя Катя сбавила тон и уставилась на кладовщика.

Тот, видно, и сам не помнил, чей бюст подсунул продавщице из сельской местности. Он откашлялся, достал очки из нагрудного кармана тёмного халата и важно провозгласил, прочитав в реестре:

- Климент Ефремович Ворошилов.

- «Климу Ворошилову письмо я написал», - Екатерина Михайловна продекламировала всплывшую в памяти строчку стихотворения, которое она заучивала в начальной школе ещё до войны, и в состоянии полной безнадёжности побрела к машине, куда уже почти загрузили товар.

Всю обратную дорогу она молчала. Продать фигурки казалось ей делом заведомо проигрышным. Пусть население уважает славных героев гражданской войны, да и в фильмах их показывают исключительно с положительной стороны, но потратить четыре рубля на ненужную в хозяйстве вещь крестьяне не готовы. Может, самой купить для почина?

Тётя Катя задумалась: ей стало жалко из своих кровных шестидесяти шести рублей зарплаты отдавать четыре. На сахар придётся потратиться да на шифер для крыши. А у других положение ещё хуже – пенсия-то колхозная двенадцать рублей, тут без огорода не проживёшь. На следующий день она обошла по очереди школу, почту и заглянула в правление, но бронзовые сувенирные бюсты так и остались непроданными. А парторг Быстров заявил:

- Вот если бы ты, Катя, Владимира Ильича привезла, я бы взял в красный уголок.

- Где ж я его тебе возьму? - обречённо произнесла тётя Катя.

Быстров торопился по своим делам и хотел поскорее выставить землячку, поэтому, поигрывая ключами от мотоцикла, он произнёс:

- При Иосифе Виссарионовиче и проблемы такой не было бы. Сказано взять в нагрузку бюст героя – и вперёд. А ты ходишь, нюни распустила. Иди, открывай свою лавку, а то народ давно уже у ворот собрался.

Тётя Катя поняла, что разговора не получилось, помощи ей ждать неоткуда, и медленно побрела в деревню.

Парторг не ошибся: односельчане, наслышанные о том, что Катя привезла товар, собрались на пяточке у магазина в ожидании открытия.

Она появилась с небольшим опозданием, запыхавшаяся от быстрой ходьбы. Пройдя внутрь, она впустила покупателей. Товары, привезённые с базы, стояли на полках, привлекая внимание яркими красками. Первой на бордовое финское платье нацелилась председательша Нина, дородная женщина, считавшаяся среди односельчан модницей. За занавеской, где висело тусклое зеркало, она померила выбранное и осталась довольна. После этого, перебрав кофточки, Нина подошла платить.

Тётя Катя не любила председательшу, считая её мотовкой. Скажите на милость, сколько человеку нужно лакированных туфель, если носить их некуда, а дороги наши в таком состоянии, что впору ходить в галошах. А у Нины их собралось шесть пар, да итальянская модная шпилька. И платьев столько, что не вмещались в гардероб. Продавщица от души сочувствовала мужу Нины, который день и ночь боролся за урожай, а жёнушка походя сорила заработанными им деньгами. Сама Нина работала оператором в местной почте, а на колхозных полях её никто не видел.

Недоброе чувство всколыхнулось и поднялось со дна души продавщицы, когда она заметила, что Нина небрежно бросила в примерочной отвергнутые недешёвые кофты. Тётя Катя уставилась взглядом в председательшу, словно хотела загипнотизировать, и произнесла:

- Ваш товар идёт с нагрузкой, милочка.

И она быстро вытащила из-под прилавка бюстик полководца Будённого. Как известно, изготавливали подобную продукцию какие-нибудь артели или комбинаты художественного литья, поэтому обалдевшая председательша не смогла узнать в усаче славного полководца.

- Это товарищ Сталин? – дрожащим голосом проблеяла она. Со дня смерти вождя не прошло и десяти лет, и строгости той эпохи моментально возникли в её памяти.

- Он самый, - ответила тётя Катя, осторожно обрывая приклеенную бумажку, где было написано настоящее имя статуэтки, и громко, чтобы услышали все, произнесла. - Так Вы отказываетесь брать бюст отца народов, генералиссимуса?

В очереди стало тихо, лишь жужжание вредной мухи отвлекало внимание. Нина, почувствовав на себе всеобщее внимание, торопливо произнесла:

- Я не отказываюсь и беру бюст.

Со дна души Нины поднялась муть, словно со дна речки, и модное финское платье перестало радовать. Она ясно увидела себя на комсомольском собрании, как её поставили перед классом и отчитывали за то, что она съездила в район и сделала перманент в парикмахерской. Тогда тоже радость от выстраданных локонов испарилась после обвинений в потакании буржуазной моде. Ни о какой буржуазной моде Ниночка не думала – просто она увидела такую причёску в журнале «Крестьянка» и захотела поразить одного мальчика из соседней деревни.

Нина отдала деньги и вышла, сгорбившись, словно купленный бюстик оттягивал ей руки. После этого торговля у тёти Кати пошла бойко. Каждому она громко предлагала купить «товарища Сталина», и никто не отказался от нагрузки, опасаясь доносов. Как только бюстики Будённого закончились, ушлая тётя Катя стала предлагать Ворошилова, не похожего на генералиссимуса ни лицом, ни усами.

- Это товарищ Сталин в молодости, - ответила она, когда знатная доярка, в конце сороковых годов побывавшая в столице на слёте ударников сельского хозяйства, усомнилась в принадлежности бюста, - а ты, Мариванна, видела вождя уже в годах.

Продавщица хотела ещё что-то добавить, но доярка не решилась спорить и оплатила покупку с нагрузкой.

Наступил июль, второй квартал наш сельмаг завершил с перевыполнением плана по продажам, и Екатерине Михайловне выписали премию и вручили в райторге почётную грамоту. Начальство в качестве поощрения выделило для продажи несколько магнитофонов – вещь невиданная в деревне.

- Сахар на варенье, магнитофоны – считай, что третий квартал у меня в кармане, - рассуждала продавщица по дороге на склад.

И там повторилась прежняя история, когда кладовщик вынес ящик с неизвестным содержимым.

- Академик Ферсман и писатель Алексей Толстой, - гордо возвестил кладовщик, заметив, как побледнела получательница товара. Он подсунул ей реестр, но, прежде чем расписаться, Екатерина вытащила наружу фигурки и внимательно их осмотрела. Она поворачивала их слева направо, вчитывалась в наклейки, заставив кладовщика понервничать.

- Ничего, - заявила тётя Катя и поставила подпись, - сойдут за Никиту Сергеевича.

Диплом специальной номинации
«За создание ярких, народных образов»
Чурсин Александр Георгиевич,
г. Санкт-Петербург

Ружьё не выстрелило

Дед Василий этой ночью плохо спал. Слезал два раза с печи и подходил к окну: крупянистая пороша царапалась и постукивала в стёкла, выбелила перед избой чуть схваченную морозцем дорожку, которая теперь хорошо просматривалась, но было непонятно: кончится снежок к утру или завьюжит покрепче.

Теперь он проснулся окончательно. Сполз с лежанки, включил свет, глянул на часы – полседьмого. Сунул ноги в валенки, накинул полушубок и вышел в сени; хлопнула входная дверь, в комнате проснулась старуха Катерина, его жена. Когда старик вернулся, слышался её голос:

– Унялся снег-то аль нет? Пойдёшь?

– Ни снежинки не летит, язви его... надо идтить.

– И не лень им переться, – ворчала Катерина, – охотнички... зайцев смешить они пойдут, а не охотиться. Брось, не ходи!

– Обещал, Катя. Надо идтить. Собери, чё поклевать.

Старуха поняла, что отговаривать бесполезно:

– Счас встану.

Она в одной ночной рубашке, вздохнув, сходила в сени, принесла свёртки.

Дед посмотрел на еду:

– Теперь не буду, не хочу, с собой поклади.

– Знамо дело, башка, поди, трещит со вчерашнего?

– От его самогонки не трещит.

– Это ж надо, сгоношил-таки этот шепутной старого дурня на свою

охоту. Сам-то он чё в ней кумекает?

– Говорил, что ходил с ребятами.

Пока Василий умывался под рукомойником, жена в комнате надела юбку, кофту, принесла небольшую хозяйственную сумку из кожзаменителя, стала складывать в неё еду.

– Ага, ты ишо чемодан мне дай на охоту! - дед достал из-под лавки приготовленный с вечера рюкзак, раскрыл.

– Сюда ложи.

– Самый большой, вишь, нашел, куда такой?

– Можя мы и лося ишо завалим.

– Вы там друг дружку не завалите...

– Ты каркай больше! Мужик под пули, можя, идёт, а она каркает.

– Господи, помилуй меня, дуру грешную!

– Лося не лося, но зайцев будет куда складать.

Дед Василий натянул шерстяные носки, ватные штаны, валенки, стал надевать телогрейку на рубаху, жена внимательно следила:

– Почему не полушубок?

– Будет мне там с ружьём в полушубке поворачиваться.

– Тогда безрукавку вязану пододень.

– Ладно, давай.

Расправляя лямки рюкзака на мужниных плечах, сказала:

– Я тут сала хороший кусок положила, хлеб, огурцы, колбасы кружок.

Витька-то колбасу мою давеча хвалил.

Вышли на крыльцо.

– Ну... Жди с добычей.

– Жду, не дождусь. Ты ж такой фартовый! – Катерина вздохнула.

– Пока там шастаете, всё одно, борщ сварю. Можя, не пойдёшь, Вась?

Свет от лампочки, что была вкручена над дверью, таял за плетнём. У калитки Василий обернулся и привычно махнул жене рукой. Та крикнула:

– Иди с Богом! Недолго там!

И зашагал дед Василий из своей Тарасовки в деревню Ольшаники по слегка заметённым следам от колёс «Беларуси», на которой вчера приезжал к ним племянник Виктор. Его не было с лета, а тут завалился проведать родню. Старики обрадовались: своих детей у них не было, были только племянник Витька да племянница Верка. Катерина собрала на стол, выпивали, закусывали.

Завёл Витька разговор об охоте. Сказал, что у него два ружья: одно от отца осталось, другое сам купил, называется, как мотоцикл... Иж, что ли... и патроны есть. Что на дальних озимых, за Ольшаниками, он зайцев видел немерено, и их можно брать чуть ни голыми руками. И пристал Витька к дядьке: пошли да пошли вместе на зайцев. Василий охоту не любил, был мужиком мирным и за свою жизнь только кур рубил, но под конец бутылки, что привёз племяш, согласился, и ударили они по рукам. Катерина, ложась в комнате на кровать, слышала их пьяный уговор, но встревать не стала.

Мужики порешили так: ежели ночью будет снег, а к утру уймётся, (тогда заячий след виднее), то с рассветом дед подваливает к Витьке в Ольшаники, они берут ружья, патроны и выходят на зайцев. После этого племянник отключился на пару часов, потом продрал глаза, завёл трактор, врубил фары, крикнул: «Дядь Вась, уговор в силе!"» - и укатил домой.

Теперь, проспавшись, старик не хотел идти ни на какую охоту... но обещания привык выполнять.

До Ольшаников - пять километров. Хорошим шагом можно управиться за час. Луны и звёзд не было, запорошенный просёлок виднелся справно, чуть поскрипывал снежок под валенками, рюкзак плечи не тянул, на слабом морозе дышалось легко. На полпути дорогу пересекали два оврага: первый - маленький буерак, второй - глубокий лог с покатыми берегами.

Поднимаясь из первого оврага, Василий почувствовал, что заныло правое колено и стало тянуть поясницу, но это было делом привычным. Когда, осторожно ступая, вышел из буерака на открытое пространство, то в лицо дунул колочий ветерок, позёмка перебежала дорогу... Ветер потрепал

деда за воротник, залез под телогрейку, но безрукавка грела хорошо - спасибо Катерине. Василий стал чаще перебирать валенками, чтобы поскорей спуститься в следующий овраг.

По дну лощины бежал незамёрзший ручей, через который, рядом с бродом, чьи-то добрые руки срубили мосток. После долгого спуска ноги гудели, и одышка появилась... Старик рукавицей смахнул с деревянной приступки снежок и присел на неё. Под мостком тихонько плескалась о камушки вода, низкое небо ещё чернело, но дело шло к рассвету: даже здесь, в логу, воздух стал чуть прозрачнее, и глаз видел дальше.

Достал беломорину, закурил, кашлянул... и вспомнил о Катерине. Сказала, что будет варить борщ... Ох, любил он её борщ!

В глубоком овраге, над которым уже начиналась метель, Деду Василию представилось, как укладывает Катерина в печь берёзовые поленья, разводит огонь, ставит рядом любимый четырёхлитровый чугунок с водой, кладёт в него бледно-розовый кусок свинины с сахарной костью, как сначала сбоку, а потом и вся занимается пузырями в чугуне вода и по поверхности расплываются кружки прозрачного жира... Печь прогревается, горнило пышет жаром. Ладными, знающими дело руками жена управляет с хрустящей капустой, багровой свёклой, бледно-жёлтой картошкой... а ножи в доме острее литовки. Утирая слёзы «пяткой» ладони, шинкует ядрёный лук, вместе с морковью погружает его в широкую сковороду с растопленным салом и пододвигает ближе к жарким углям. Сковородка шкворчит.

Василий почувствовал в носу смачный дух жареного лука, услышал, как шипят брызги бульона, вылетающие из чугунка, когда Катя высыпает в него нарезанные овощи.

Вскоре и поджаренные морковь с луком скользят со сковороды в кратер чугуна, а багровая лава в нём продолжает бурлить и волноваться. Хозяйка открывает заветную железную коробку из-под чая, в которой у неё смешаны разные приправы. Здесь и перец, и можжевельник, и тмин, и розмарин с базиликом, и купырь с лаврушкой, сушёный сельдерей и какой-то

маран... Пару добрых щепотей Катя бросает в чугунок, и из печи, как пар из каменки в бане, выплывает облаком такой ужористый аромат, который описать словами нет никакой возможности. Тут можно на лавку валиться от блаженства, и рюмки гранёной не надо - без её пьяный! А всего верней из избы куда податься на время, потому как терпезу нету, а борщ пока не готов: теперь, посоленный, принявший в себя пару кусков сахара, он будет ещё полчаса томиться в печи.

Наконец дед Василий сидит за столом, и перед ним дымится добрая миска огневого борща. Хлеб нарезан. Катя мелко шинкует на доске чеснок и кропит его в миску. Потом ставит в неё ложку, полную сметаны. Василий шевелит ложкой, борщ начинает розоветь... Господи!

От этой картины под языком деда Василия образовалось целое озеро, заросший седой бородой кадык подпрыгнул и медленно встал опять на своё место. Теперь и небо посветлело. По своим следам старик вернулся из оврага наверх - здесь вьюжило, дорогу заметало... он завязал под подбородком уши ушанки, поднял повыше воротник, сунул руки плотней в рукавицы, тряхнул тощим рюкзаком и уверенно зашагал к дому.

Диплом специальной номинации
«Мастер короткого рассказа»
Андреянц Мирон Ильич,
г. Бийск Алтайский край

Потомка

Галка Алтухова – личность неординарная, как ей кажется. Ну, а как же иначе, когда ты – «потомка знатного рода» (какого именно, одной Галке известно).

«Могу себе позволить!» - излюбленная фраза аристократки, с годами подрастерявшей былой лоск, как и большинство дам, кому глубоко за пятьдесят, когда в компании Галка, не без удовольствия хвасталась обновкой.

- Какое качество, а? Эксклюзив! Фирма! Это вам не Китай какой-нибудь! Да я китайское вообще не ношу, у меня аллергия! – рекламировала очередную свою обновку Галка под равнодушное молчание окружающих, будь то коллеги, соседи или случайные прохожие.

Еще одной страстью Алтуховой были украшения. По их количеству, кстати, Галка делила людей на классы: нищесбор ты или состоятельный человек.

Среди прочего, Галка любила за бокалом вина поразмышлять над смыслом жизни, сетуя на то, что ее – интеллигенцию, приравнивали к рабочему классу. И такие, как она, вынуждены прислуживать и прогибаться за копейки! К слову сказать, прогибалась наша Галочка недолго, трудового стажа едва хватило до минималки (размер пенсии по региону). Существовала, в основном, на средства своего спутника, который досрочно капитулировал, без суда и следствия, не дойдя с любимой до глубокой старости, со словами: «Ты всю жизнь мои деньги транжирила, поживи теперь на свои!» И пришлось.

Ах, да, еще одно интереснейшее человеческое качество отличало Галку от простых смертных: ей казалось, что мир кружится вокруг нее и все ей обязаны помогать. Она же, готова помогать в ответ, «если не будет занята» и

«когда у нее будет время». Приятельницы все лето на даче вкалывают (сеют, полют, солят), а Галочка наша тем временем путешествует, как та стрекоза. Но зимой не брезгует у них, простолюдинок, приспроситься: кто картошечкой, кто огурчиком угостит. Все у нее гладко и ручки чистые.

Но однажды фортуна покинула Галку, не то устала, не то осерчала на нее. Сломала мизинец – сильнейшее потрясение, моральный ущерб и смертельная травма. Галочка рассчитывала, что это очередной легальный способ расслабиться и что приятельницы в очередь выстроятся, чтоб ей помочь: кто за хлебушком сбегает, кто пирожков к обеду испечет, кто компанию составит для бесед.

Только на этот раз все пошло не так, как рассчитывало ее высочество: никто не приходил, не звонил и не делил с ней боль от смертельной травмы. Вот те раз! И рыдала, и письма писала, да все без толку.

Инсайт – штука хитрая, к кому-то сразу приходит, а с кем-то даже не знакома. И наша Гала Алтухова – «потомка знатного рода» - не исключение. И до сих пор ей невдомек, что окружающие, пусть даже близкие, не знатные, рабочие, простолюдины, ей ничего не должны. Не должны и не обязаны.

Так и живет теперь «потомка царской интеллигенции» в поисках новой прислуги.

Диплом специальной номинации
«Мастер короткого рассказа»
Концедалова Анна Юрьевна,
г. Бийск Алтайский край

Специалист

Сорок лет и три года, не сбиваясь с рабочего графика, ходит Мила Наильевна Грубарева на работу. Работа для нее – все, она на нее «всю жизнь положила».

Начинала с низов, а сейчас (посчитай, двадцать лет уже) она – начальник, человек с большой буквы. Взойдет на крыльцо, и все ее приветствуют: от мала до велика, от простого смертного до директора. Уважение, почет, зарплата выше среднего.

О чем мечтала и к чему стремилась, - все у Милы Наильевны получилось. Одним словом, мечта карьериста. Она всегда на работе. Так незаметно у нее большая часть жизни и прошла.

И все бы складно у Милы и ладно, вот только в пустой квартире, где, кроме кошки, никто не ждет, старость ее и повстречала. Единственная дочь (вторую рожать не хотела, аборт сделала) давно покинула родной край, муж умер, и больше близких нет.

По социальным меркам Грубарева – человек обеспеченный: квартира в центре, дача за городом, машина имеется. А по человеческим показаниям – одинокая дама преклонного возраста.

Была у нее в юности приятельница, вместе начинали. Вот только приятельница та вместо карьеры семью себе строила. Встретились случайно в парке, сразу узнали друг друга, вспомнили молодость.

- Ну, как ты? Как живешь? – вступила начальница Грубарева. – Сколько лет не виделись?

- У меня вчера правнук родился, Андрюша. Вот приехали с мужем подарки выбирать. Потом еще надо к старшеньким заглянуть, у них юбилей. У младшеньких дочь университет закончила, надо бы поздравить. А средненькие на юга махнули все вместе. Нас с собой звали, а нам некогда, мы второй этаж достраиваем, и дачный сезон начался. Так сразу всего и не расскажешь. Ну, а Вы-то как, Мила Наильевна? – улыбнувшись и переводя дыхание, спросила приятельница. - Что у Вас?

- А у меня...А у меня...Работа.